

Министерство образования и науки Украины
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
Исторический факультет

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ

во внутренней и внешней политике государств
древнего мира и средних веков

Сборник материалов научного семинара
молодых ученых кафедры истории древнего мира
и средних веков

Харьков
2016

УДК 94(100) “652/653”:304(063)

ББК 63.3(0)я431

С 69

*Сборник рекомендован к печати Ученым советом
исторического факультета ХНУ имени В. Н. Каразина
(протокол № 5 от 19.05.2016)*

Рецензенты:

- Сорочан С. Б.** — заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, доктор исторических наук, профессор;
Сергеев И. П. — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков

- С 69 **Социокультурные** факторы во внутренней и внешней политике государств древнего мира и средних веков. Сборник материалов научного семинара молодых ученых кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина, 25 марта 2016 г. / Сост., редактор О. А. Ручинская. — Харьков: Майдан, 2016. — 108 с.

ISBN 978-966-372-652-6.

Сборник посвящен рассмотрению проблемы влияния этических, социальных и культурных традиций на особенности внутренней политики и внешнеполитические векторы развития государств древнего мира и эпохи Средневековья. Представлена публикация докладов, прозвучавших на научном семинаре молодых ученых кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина 25 марта 2016 г.

- С 69 **Соціокультурні** фактори у внутрішній та зовнішній політиці держав стародавнього світу та середніх віків. Збірка матеріалів наукового семінару молодих вчених кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ХНУ імені В. Н. Каразіна, 25 березня 2016 р. / Укладач, редактор О. А. Ручинська. — Харків: Майдан, 2016. — 108 с.

ISBN 978-966-372-652-6.

Збірка присвячена розгляду проблеми впливу етичних, соціальних та культурних традицій на внутрішню політику та зовнішньополітичні вектори розвитку держав стародавнього світу та епохи Середньовіччя. Представлена публікація доповідей, що прозвучали на науковому семінарі молодих вчених кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ХНУ імені В. Н. Каразіна 25 березня 2016 р.

УДК 94(100) “652/653”:304(063)

ББК 63.3(0)я431

ISBN 978-966-372-652-6

- © ХНУ имени В. Н. Каразина, 2016
© Кафедра истории древнего мира и средних веков, 2016
© Ручинская О. А., 2016

Содержание

От составителя	5
Машкина А. В. Влияние Дельфийского оракула на политическую жизнь спартанского полиса в классический период истории Древней Греции	8
Мамонтова Е. С. Культура врачевания в древней Греции VII–IV вв. до н. э.	18
Коваленко Д. С. Истоки возникновения культа правителя на Боспоре на примере культа Перисада I	34
Коновалова Т. Н. Влияние греческих и варварских социокультурных традиций на религию Ольвии.	48
Походнякова А. С. Набатея в I в. до н. э. — I в. н. э.: между Сциллой и Харибдой?	58
Сметана В. М. До питання про самоідентифікацію мешканця Західної Римської імперії.	71
Бадло А. С. Византийская интеллектуальная среда в контексте внешней политики Мануила II Палеолога	81
Емельянова Н. О. Влияние социальных и геополитических факторов на внешнюю политику Валашского княжества в XIV–XVI вв.	93

Contents

From Editor	5
<i>Mashkina A. V.</i> Delphic Oracle's Influence on the Political Life of Spartan Polis in Classical Period of the Ancient Greek History	8
<i>Mamontova E. S.</i> The Culture of Healing in Ancient Greece VII—IV BC	18
<i>Kovalenko D. S.</i> The Origins of the Ruler Cult in Bosphorus Based on the Cult Perisad I	34
<i>Konovalova T. N.</i> The Influence of Greek and Barbarian Socio-cultural Traditions in Olbia Religion	48
<i>Pokhodnyakova A. S.</i> Nabataea in I BC — I AD: between Scylla and Charibdis?	58
<i>Smetana V. N.</i> To the Question of the Self-identification of the Inhabitant of the Western Roman Empire	71
<i>Badlo A. S.</i> The Byzantine Intellectual Milieu in the Context of the Foreign Policy of Manuel II Paleologus	81
<i>Emelyanova N. O.</i> The Impact of Social and Geopolitical Factors on the Foreign Policy of the Principality of Wallachia in XIV—XVI AD	93

От составителя

*«...l'historien n'est pas celui qui sait.
Il est celui qui cherche»*

/L. Febvre /

*«Историк — не тот, кто знает.
Историк — тот, кто ищет»*

/Люсьен Февр/

Социокультурный подход в изучении прошлого предполагает смещение интересов исследователя от традиционно принятых в исторических кругах исследований политической, социально-экономической истории государств древности, в сторону оценки событийной истории через призму культурно-духовных ценностей. Особенности менталитета отражают социально-культурный опыт того или иного народа древности и эпохи средневековья, выявляют восприятие человеком окружающего мира, отношение к самому себе в этом мире и между собой. Изучение миропонимания людей тех эпох, мотивов их поведения позволяет понять истинные причины изменений, которые происходили во внутренней и внешней политике государств Античности и Средневековья.

25 марта 2016 г. на кафедре истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина был проведен научный семинар молодых ученых «Социокультурные факторы во внутренней и внешней политике государств древнего мира и средних веков» (на-

учный руководитель доцент О. А. Ручинская), нацеленный на рассмотрение генезиса данных представлений, начиная с архаического и классического периодов истории Древней Греции и до европейской истории XV—XVI вв. В научном семинаре приняли участие студенты III (Мамонтова Е.), IV (Бадло А., Емельянова Н., Коновалова Т., Машкина А., Сметана В.) и V курсов (Коваленко Д., Походнякова А.), специализирующиеся по кафедре истории древнего мира и средних веков.

Молодые ученые-историки рассматривали особенности исторического развития государств с мировоззренческих позиций, отражая влияние общегреческих сакральных центров и оракулов в политической истории Эллады, роль идеи калократии и ее проявления в культуре врачевания Древней Греции, устойчивость эллинских традиций в античном Северном Причерноморье — на примере Боспора и Ольвии, степень взаимовлияния культурных традиций кочевников и римского государства в Набатее, культурно-историческую обстановку в Римской империи периода ее распада, влияние интеллектуальной элиты на внутреннюю и внешнюю политику Византийской империи во второй половине XIV — первой четверти XV вв. и социокультурные факторы, способствовавшие выработке политики лавирования Валашского государства в XIV—XVI вв.

Представленные доклады вызвали оживленное обсуждение и дискуссию, в которых приняли участие студенты и преподаватели исторического факультета, что и определило необходимость публикации данных материалов.

Доклады и обсуждения на научном семинаре молодых ученых проводились на украинском и русском языках, в связи с этим, предлагаемые материалы соответствуют языку оригинала и представлены в авторском изложении.

Надеемся, что представленные исследования, которые являются рабочими материалами научного семинара молодых ученых кафедры истории древнего мира и средних веков, бу-

дут полезны в качестве обмена опытом и результатами студенческих научных изысканий, а также помогут всестороннему раскрытию исследовательского таланта, способностей и научного потенциала их авторов.

*Ζητείτε καὶ εὕρησθε —
Ищите и найдете
/Евангелие от Матфея 7, 7/*

*Канд. ист. наук,
доцент О. А. Ручинская*

(Изображение Пифии на краснофигурном килике)

Влияние Дельфийского оракула на политическую жизнь спартанского полиса в классический период истории Древней Греции

Машкина Анастасия (IV курс)

Машкина А. В. Влияние Дельфийского оракула на политическую жизнь спартанского полиса в классический период истории Древней Греции. В классический период истории Древней Греции Дельфийский оракул несомненно оказывал влияние на внешнюю политику греческих полисов, но только со Спартой у него сложились особые взаимоотношения. Оракул участвовал во внутривнутриполитической жизни этого полиса, а также установил тесные отношения с институтом царской власти. В свою очередь Спарта была своеобразным гарантом автономии святилища.

Ключевые слова: Дельфийский оракул, Спарта, религия, политика.

Машикина А. В. Вплив Дельфійського оракула на політичне життя спартанського поліса у класичний період історії Стародавньої Греції. У класичний період історії Стародавньої Греції Дельфійський оракул безумовно впливав на зовнішню політику грецьких полісів, але тільки зі Спартою у нього склалися особливі взаємини. Оракул брав участь у внутрішньополітичному житті цього поліса, а також встановив тісні відносини з інститутом царської влади. У свою чергу Спарта була своєрідним гарантом автономії святилища.

Ключові слова: Дельфійський оракул, Спарта, релігія, політика.

Mashkina A. V. Delphic Oracle's Influence on the political life of the Spartan polis in classical period of the Ancient Greek history. In the classical period of the history of ancient Greece, Delphic oracle undoubtedly influenced the foreign policy of the Greek polis, but only with Sparta had developed a special relationship. Oracle has participated in the political life of the policy, and has established close relations with the Institute of imperial power. In turn, Sparta was a kind of guarantor of the autonomy of the sanctuary.

Key words: Delphic oracle, Sparta, religion, politics.

Дельфийский оракул, будучи одним из самых авторитетных оракулов в Древней Греции, играл важную роль во внутренней и внешней политике полисов, ведь являясь голосом Аполлона на земле, он давал божественную санкцию на совершения того или иного действия, советы по вопросам прошлого настоящего и будущего, а также предостерегал о всевозможных катаклизмах и неудачах. В классический период истории Древней Греции происходит сближение спартанского полиса с Дельфийским святилищем и устанавливается очень тесная взаимосвязь, которая была нехарактерной для других греческих полисов. Тематика исследования является актуальной, поскольку позволяет разобраться в механизмах влияния Дельфийского оракула на политическую жизнь конкретно Спартанского полиса, Древней Греции в целом, а также проследить роль оракула в межполисных отношениях.

Источниковая база исследования представлена в основном нарративными источниками. Наиболее важными для нас являются свидетельства античных авторов: Геродота [1], Фукидида [4] и Плутарха [3]. Геродот, будучи современником описываемых им событий в «Истории», предоставляет большое количество оракулов, данных спартанскому полису в классический период. Фукидид, описывая историю Пелопонесской войны, показывает, что Дельфийский оракул активно вмешивался в политику Спарты касательно этого конфликта. Тогда как Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» повествует о роли оракула в жизни спартанских царей. Археологические и эпиграфические источники лишь дополняют письменные.

Историография вопроса достаточно обширна, но при этом она фрагментарна, так как данная проблема исследовалась ранее лишь в контексте изучения истории Дельфийского оракула или спартанского полиса. Отрывочные сведения касательно этой тематики содержатся в комплексных работах по изучению истории Дельфийского оракула, среди которых можно выделить первый том книги Г. В. Парка и Д. В. Вормелла «Дельфийский оракул» [10] и работу О. В. Кулишовой «Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII—V вв. до н. э.)» [5]. А также в комплексных работах, посвященных истории Спарты, а именно в сборнике А. Поуэла «Классическая Спарта: методы успеха» [12]. Так же для нас является информативной его статья, посвященная вопросу влияния религии на спартанский полис: «Гадание, власть и небезопасность в классической Спарте» [13]. Таким образом, фрагментарность историографии обуславливает необходимость изучения роли Дельфийского оракула в политической жизни конкретно спартанского полиса.

Целью исследования является изучение роли Дельфийского оракула в политической жизни Спарты в классический период истории Древней Греции. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: проследить историю взаимоотношений Спарты и оракула; проанализировать роль оракула

во внутренней политике спартанских царей; охарактеризовать влияние оракула на внешнюю политику спартанского полиса.

История взаимоотношений Спарты и Дельфийского оракула берет свое начало еще в архаический период, когда святилище только начинает развиваться и приобретать статус на международной арене. В этот период ему отводится важная роль в формировании нового спартанского политического строя, который устанавливается благодаря законодательству Ликурга, ведь осуществляя свои реформы, царь неоднократно обращался к оракулу за советом, причем он не просто получал санкцию на их осуществление, а и реальные указания: воздвигнуть храмы Зевса Силланийского и Афины Силланийской, чтобы разделить народ на филы (φυλαί) и обы (ὠβαιί), учредить народное собрание (ἀπέλλα), на котором народ утверждал или отклонял предложения старейшин и царей [3, Ликург, 6]. Именно эти законы, продиктованные Аполлоном, поставили город на путь к социальной гармонии [14, с. 221]. Такого мнения придерживается Павсаний и более поздние античные авторы [2, 3, 13], тогда как Геродот считает, что Ликург создал конституцию подобную Критской [1, 6, 72]. Для сравнения проанализируем какую роль играл оракул в реформах Афинского полиса при Солоне. Как нам известно, Солон обращался к Дельфийскому оракулу по поводу войны с Мегарами за Саламин, а также в Первой Священной войне, однако, осуществляя свои реформы, Солон не получал каких-либо четких указаний, а только общую поддержку Дельф [10, с. 110]. Некоторые исследователи считают, что Солон советовался с оракулом по поводу изменений в религиозной сфере, например, при разработке постановления о том, что на каждое большое празднество полис может расходовать три таланта на жертвенное животное, обед, процессии и другие расходы [8, с. 24–27].

В любом случае обращение к оракулу даже для санкционирования законов было нетипично для полисов, даже в классический период — время расцвета святилища, так как обычно Дельфийский оракул не вмешивался в политическое устрой-

ство полисов. Тогда как в Спарте взаимоотношениям с Дельфами уделяли очень много внимания, существовала даже должность пифиев — людей, которые отвечали за посольство в Дельфы и при этом были очень авторитетны, так как обедали вместе с царем за общественный счет [1, 6, 57]. Кроме того, в Спарте существовал обычай, согласно которому эфоры один раз в восемь лет всю ночь ждали знамения, которое обозначало разгневанность богов одним из правителей Спарты и, если оно появлялось, царь отстранялся от власти до тех пор, пока не вернется отправленный в Дельфы посол с подтверждением или опровержением этого [11, с. 106–112].

Дельфы также активно участвовали в борьбе эфората с царской властью в VI—V вв. до н. э. Ярким примером этому служит оракул о «хромом царствовании» [1, 1, 174], который был дан, скорее всего, в поддержку постепенно ослабевающей царской власти [15, с. 51]. Однако с этим оракулом связано много противоречий, которые наталкивают нас на мысль об удачном использовании спартанскими властями прорицаний, данных оракулом, так как позже, в IV в. до н. э., когда в Спарте происходило соперничество за право наследовать престол между Леотихидом и Агесилаем, наряду с другими аргументами использовался все тот же оракул о «хромом царствовании». Леотихид утверждал, что данный оракул касается Агесилая, который был хромым, тогда как Агесилай говорил, что оно касается Леотихида, так как речь тут идет о том, что престол не должен занять незаконнорожденный [2, 3, 8, 9].

В классический период были очень распространены попытки подкупа Дельфийского оракула, и спартанский полис не был исключением. Когда царь Клеомен пообещал Левтехиду, что сделает его царем вместо Демарта, так и произошло, Аристон объявил, что Демарт не его сын, но во время спора по этому поводу было принято решение спросить оракул в Дельфах. Клеомен подкупил оракула, поэтому тот сказал, что Демарт не сын Аристона [1, 6, 66]. Позже, Пифия, которую подкупили, была отстранена, однако Демарт не был вос-

становлен в должности царя. Такие попытки воздействия на оракула в Дельфах свидетельствуют о том, что влияние оракула на политическую жизнь спартанского полиса воспринималось гражданами как нечто реальное [9, с. 133], то есть, если Пифия скажет, что Демарт не Аристонов сын, значит, так оно и есть. Также стоит отметить, что Геродот, сообщая нам этот случай и другие случаи махинаций с оракулами, все равно непоколебимо верит в правдивость оракула [8, с. 24–36], следовательно, у нас есть основания полагать, что большинство спартанцев разделяют его точку зрения.

На вопрос как часто политические решения спартанских царей были продиктованы Дельфийским оракулом, нельзя ответить однозначно. Геродот, Фукидид и Ксенофонт предполагают, что ответы оракула вдохновляли государственных деятелей Спарты на совершение каких-либо политических действий, однако ученые долгое время деликатно обходили этот вопрос или считали такие суждения ненадежными, несмотря на то, что данные источники считаются фундаментальными для изучения других аспектов спартанской истории [13, с. 35]. Так, Дж. Фонтенроуз считает, что Дельфийский оракул не оказывал какого-либо прямого влияния на политические решения спартанских царей [7, с. 157]. В противовес этому Р. Паркер в своей работе доказывает, что ответ оракула мог отменить даже военные экспедиции, подготовка к которым уже шла полным ходом [12, с. 154–156].

Перед началом греко-персидских войн, Дельфийский оракул сказал, что или Лакедемон будет разрушен, или его царь падет, никакая сила не сможет остановить варваров. Это изречение вспомнил Леонид во время битвы при Фермопилах, и как считает Геродот, именно поэтому отпустил союзников, но сам не ушел, желая погибнуть достойной смертью [1, 7, 220].

Позиция Дельф в отношении Пелопонесской войны стала понятна еще накануне ее, когда спартанцы отправили посольство в Дельфы, и на вопрос стоит ли им воевать с афинянами, получили положительный ответ и содействие Дельфийского

оракула [1, 7, 220]. Причиной такого благоприятного для спартанцев оракула были, во-первых, особые отношения со Спартой, описанные выше, а, во-вторых, то, что Дельфы попадали под власть фокидян благодаря поддержке их афинянами, а Спарта была своеобразным гарантом дельфийской автономии [6, с. 43]. Нас может ввести в заблуждение благоприятное прорицание, данное афинянам и утверждающее, что афиняне воздвигли статую Аполлону в знак благодарности за избавление от чумы во время Пелопоннесской войны [2, 1, 3, 4], но возведение этой статуи связывают с более ранней эпидемией, а прорицание считают хронологически не верным [10, с. 190]. Дельфийское святилище не только словесно поддерживало спартанский полис, оно являлось отправной точкой кампании против Навпакта, жители которого прислали на помощь афинян [4, 3, 100, 2], и это первый известный нам случай, когда военный поход начинался в святилище. Это было совершенно новое явление, причины которого кроются или в нехватке денежных средств у Пелопонесского союза для оплаты труда наемников и содействием в этом вопросе оракула [5, с. 324–325], или в стратегической значимости святилища, так как войско состояло из пелопоннесцев, амбракиотов и воинов из Гераклеи Трахинской [4, 3, 107, 4], в связи с чем, необходимо было найти место удобное для подхода всех частей спартанской армии и стратегически выгодное для начала похода.

Дельфийский оракул так же оказал содействие по возвращению из ссылки царя Плистоанакта в Спарту, обвиняемого за склонение Пифии постоянно говорить спартанцам, что они должны вернуть на свою землю семя полубога, Зевсова сына. Однако здесь в настойчивости оракула сыграло свою роль желание поскорее прекратить войну, которая наносила большой ущерб святилищу [6, с. 42].

Таким образом, для Спарты Дельфийский оракул становится авторитетом уже в архаический период, во время утверждения нового законодательства, которое определило жизнь полиса на ближайшие 500 лет. Если в дела других

общегреческих полисов оракул практически не вмешивался, или делал это косвенно, через религию, то на общественные дела спартанского полиса он влиял напрямую, то есть через законодательство и с помощью Пифии. Участие Дельфийского оракула во внешней политике греческих полисов является неоспоримым фактом, но Спарта имела определенные привилегии в этом вопросе благодаря длительной и тесной связи с Дельфами и, конечно же, благодаря тому, что она являлась гарантом автономии святилища.

Литература

1. *Геродот*. История / Геродот / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. — Л., 1972. — 600 с.
2. *Павсаний*. Описание Эллады / Павсаний / Пер. С. П. Кондратьева. — Т. 2. — СПб., 1996. — 564 с.
3. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания / Плутарх / Пер. С. П. Маркиша. — Т. 1. — М., 1994. — 235 с.
4. *Фукидид*. История / Фукидид / Пер. Г. А. Стратановского. — Л., 1981. — 543 с.
5. *Кулишова О. В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII—V вв. до н. э.) / О. В. Кулишова. — СПб., 2001. — 432 с.
6. *Кулишова О. В.* Спартанские цари и Дельфы (VI—V вв. до н. э.) // О. В. Кулишова // Античное общество — IV: власть и общество в античности. — 2001. — С. 39–48.
7. *Fontenrose J.* The Delphic Oracle / J. Fontenrose. — California, 1981. — 235 p.
8. *Jacoby F.* Atthis: the Local Chronicles of Ancient Athens / F. Jacoby. — Oxford, 1949. — 126 p.
9. *Malkin I.* Delphoi and the founding of social order in archaic Greece / I. Malkin // *Mètis: revue d'anthropologie du monde grec ancien: philologie, histoire, archéologie.* — 1989. — № 1. — P. 129–153.
10. *Parke H. W., Wormell D. E.* The Delphic Oracle / H. W. Parke, D. E. Wormell. — Vol. 1. — Oxford, 1956. — 441 p.

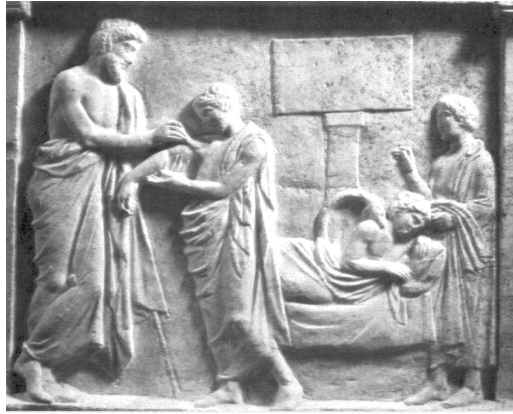
11. *Parke H. W.* The Deposing of Spartan Kings / H. W. Parke // *Classical Quarterly*. — 1945. — № 3–4. — P. 106–112.
12. *Parker R.* Spartan religion / R. Parker // *Classical Sparta: techniques behind her success*. — London, 1989. — P. 142–172.
13. *Powell A.* Divination, royalty and insecurity in Classical Sparta / A. Powell // *Kernos*. — 2009. — № 22. — P. 35–82.
14. *Silva M. A.* Esparta e os oráculos: uma leitura Plutarquiana / M. A. Silva // *Plutarco entre mundos visões de Esparta, Atenas e Roma*. — Coimbra, 2015. — P. 219–232.
15. *Zeilhofer G.* Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im 5. Jahrhundert vor Christus / G. Zeilhofer. — Erlangen, 1959. — 80 S.

Bibliography (Transliteration)

1. *Gerodot.* Istoriya / Gerodot / Per. i primech. G. A. Stratanovskogo. — L., 1972. — 600 s.
2. *Pavsanij.* Opisanie Elladyi / Pavsanij / Per. S. P. Kondratev. — T. 2. — SPb., 1996. — 564 s.
3. *Plutarh.* Sravnitelnyie zhizneopisaniya / Plutarh / Per. S. P. Markish. — T. 1. — M., 1994. — 235 s.
4. *Fukidid.* Istoriya / Fukidid / Per. G. A. Stratanovskiy. — L., 1981. — 543 s.
5. *Kulishova O. V.* Delfiyskiy orakul v sisteme antichnyih mezhgosudarstvennyih otnosheniy (VII–V vv. do n. e.) / O. V. Kulishova. — SPb., 2001. — 432 s.
6. *Kulishova O. V.* Spartanskie tsari i Delfyi (VI–V vv. do n. e.) // O. V. Kulishova // *Antichnoe obschestvo — IV: vlast i obschestvo v antichnosti*. — 2001. — S. 39–48.
7. *Fontenrose J.* The Delphic Oracle / J. Fontenrose. — California, 1981. — 235 p.
8. *Jacoby F.* Atthis: the Local Chronicles of Ancient Athens / F. Jacoby. — Oxford, 1949. — 126 p.
9. *Malkin I.* Delphoi and the founding of social order in archaic Greece. I. Malkin // *Mètis: revue d'anthropologie dumonde grec ancien: philologie, histoire, archéologie*. — 1989. — № 1. — P. 129–153.

10. *Parke H. W., Wormell D. E.* The Delphic Oracle / H. W. Parke, D. E. Wormell. — Vol. 1. — Oxford, 1956. — 441 p.
11. *Parke H. W.* The Deposing of Spartan Kings / H. W. Parke // *Classical Quarterly*. — 1945. — № 3–4. — P. 106–112.
12. *Parker R.* Spartan religion / R. Parker // *Classical Sparta: techniques behind her success*. — London, 1989. — P. 142–172.
13. *Powell A.* Divination, royalty and insecurity in Classical Sparta A. Powell // *Kernos*. — 2009. — № 22. — P. 35–82.
14. *Silva M. A.* Esparta e os oráculos: uma leitura Plutarquiiana / M. A. Silva // *Plutarco entre mundos visões de Esparta, Atenas e Roma*. — Coimbra, 2015. — P. 219–232.
15. *Zeilhofer G.* Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im 5. Jahrhundert vor Christus / G. Zeilhofer. — Erlangen, 1959. — 80 S.

(Методы лечения в Древней Греции, мраморный рельеф)

Культура врачевания в древней Греции VII—IV вв. до н. э.

Мамонтова Екатерина (III курс)

Мамонтова Е. С. Культура врачевания в древней Греции VII—IV вв. до н. э. Статья посвящена вопросу о взаимной связи особенностей общества в древней Греции VII—IV вв. до н. э. с развитием медицины. Характерной чертой древнегреческого общества данного периода был культ физической красоты и здорового тела. Это обусловило чрезвычайную важность медицины в жизни каждого древнего грека. Разделенная уже к VII в. до н. э. на храмовую и светскую, она соответствовала особенностям мировоззрения древних греков и удовлетворяла их потребности в медицинском обслуживании.

Ключевые слова: медицина, древняя Греция, менталитет.

Мамонтова К. С. Культура лікування в стародавній Греції VII—IV ст. до н. е. Стаття присвячена питанню про взаємний зв'язок особливостей суспільства в стародавній Греції VII—IV ст.

до н. э. з розвитком медицини. Характерною рисою давньогрецького суспільства даного періоду був культ фізичної краси і здорового тіла. Це зумовило надзвичайну важливість медицини в житті кожного стародавнього грека. Розділена вже к VII ст. до н. е. на храмову і світську, вона відповідала особливостям світогляду стародавніх греків і задовольняла їхні потреби в медичному обслуговуванні.

Ключові слова: медицина, стародавня Греція, менталітет.

Mamontova Ekaterina. The Culture of Healing in Ancient Greece VII–IV BC. The article is devoted to the question about the connection of particularities of the society in ancient Greece VII–IV centuries BC with the development of medicine. A typical feature of the Ancient Greek society during this period was the cult of physical beauty and healthy body. It brought an extraordinary importance of medicine for every ancient Greek. Divided by the VII century BC into the sacred and secular medicine, it corresponded to the peculiarities of the ancient Greeks and satisfied their health care needs.

Key words: medicine, ancient Greece, mentality.

Медицина в жизни древних греков занимала исключительное место в связи с их культом здорового тела и физической красоты. Забота об организме была продиктована не только нуждой в поддержании хорошего самочувствия, но и особенностями греческого общества.

Актуальность данного исследования состоит в том, что изучение культуры врачевания в древней Греции VII–IV вв. до н. э. позволяет проследить религиозные воззрения, специфику древнегреческого общества и уровень развития науки в целом. Особенности менталитета и культ Олимпийских богов имели неразрывную связь со становлением медицины и её спецификой в исследуемый период. Это обуславливает необходимость комплексного изучения данного вопроса.

Главным источником в изучении светской медицины исследуемого периода является «Гиппократов корпус» [5], труд, приписываемый Гиппократу, заложившему основы медицины

как науки. Он представляет собой сборник разнородных медицинских трактатов, особенно ценный для данного исследования морально-этическими предписаниями и профессиональными советами для тех, кто, так или иначе, был связан с медициной. При рассмотрении данной темы особенно важна т. н. «Клятва Гиппократата» [5, с. 87–90]. Вторыми по значимости при изучении культуры врачевания древней Греции VII–IV вв. до н. э. можно назвать сведения других античных авторов. Некоторые сведения о медицине древней Греции, а также других стран, с которыми греки имели контакты, содержатся в «Истории» Геродота [4]. Его данные очень ценны, поскольку Геродот описывает деятельность греческих врачей, состоявших на службе в Греции и за пределами родины. В изучении же храмовой медицины первоочередную важность имеют гимны, посвященные греческим богам [1]. Анализ данных текстов позволяет выявить, каких богов греки почитали как дарующих здоровье и избавляющих от болезней.

Таким образом, наиболее всеобъемлющим и достоверным источником является «Гиппократов корпус», предоставляющий исследователю полную картину развития медицины в годы до и при жизни Гиппократата, а также его последователей. Не менее важны данные Геродота, ведь в отличие от исторических событий, которые он излагал без критического подхода, данные в его «Истории» сведения о медицине как отражение медицинских познаний описанных им народов не приходится подвергать сомнению. Античные гимны также являются достоверным источником при изучении религиозных воззрений древних греков и, в частности, культа богов-врачевателей.

Интерес к древнегреческой медицине проявляли еще исследователи эпохи Возрождения, однако наиболее активно данной темой занимались в XVIII–XX вв. Среди наиболее значимых можно выделить труд немецкого профессора Т. Мейера-Штейнега [9]. Обладая глубочайшими познаниями в сфере своего исследования, автор раскрывает практически

все стороны врачебного искусства Древней Греции. Следует подчеркнуть, что материал подкреплен огромным количеством иллюстраций, археологических материалов, фотографий предметов из личной коллекции профессора, которые повсеместно используются в прочих работах по истории медицины. Неслучайно историки медицины со всего мира уже два века в своих исследованиях продолжают опираться на «Древнюю медицину» Т. Мейера-Штейнега, практически не знающую аналогов в данной сфере.

Вторым по значимости стал первый том труда С. Г. Ковнера [7], в котором автор уделяет пристальное внимание таким важным вопросам, как культ богов-врачевателей и здорового тела у древних греков, положению врачей в обществе и морально-этическим нормам, которые им предписывалось выполнять. В работах советских историков медицины, таких как Б. Д. Петров [10], П. Е. Заблудовский [6] и Т. С. Сорокина [11] подробно рассматриваются особенности древнегреческого общества и их связь с развитием медицинской науки. Огромный массив эпиграфических источников, а именно таблиц и надписей на колоннах в асклепиадах опубликовано, переведено и проанализировано в труде С. А. Жебелева [5]. Это обуславливает исключительную важность данного исследования при изучении культуры врачевания в древней Греции VII–IV вв. до н. э. Для понимания культов богов-врачевателей огромную ценность имеет работа В. М. Тарасонова [12], в которой автор показывает, как мифологические и религиозные воззрения влияли на медицинскую символику на протяжении веков, около половины труда посвящено именно Асклепию и богам, составлявшим его окружение.

Истории медицины в древней Греции в целом посвящено огромное количество русско- и англоязычной литературы, однако исследований, связанных с культурой врачевания в древней Греции VII–IV вв. до н. э. нет. В исследованиях древнегреческая медицина рассматривается либо в целом, либо слишком узко, где авторы детально изучают отдельных

ученых или научные школы, что является недостаточным для полного освещения вопроса в указанном аспекте.

Цель данной статьи — исследовать древнегреческую медицину VII—IV вв. до н. э. и ее взаимосвязь с особенностями древнегреческого менталитета. Для этого необходимо осветить разделение на храмовую и светскую медицину, и определить характер границы, лежащей между этими ответвлениями, выявить культ и характер почитания богов-врачевания, а также рассмотреть положение в обществе и обязанности врачей и прочих специалистов, связанных с врачеванием.

Характерной чертой медицины древней Греции VII—IV вв. до н. э. является разделение на храмовую и светскую медицину. Поиск причин такого сочетания и исследование культуры врачевания, позволяет пролить свет на особенности греческого мировоззрения и общества VII—IV вв. до н. э.

Жизнь древних греков была пронизана культом олимпийских богов. Исключением не стала и сфера врачевания, претерпевшая колоссальное влияние религии. В случае нужды и при отсутствии врачебной помощи больные обращались в особые святилища, и нередко принимались за заклинания и магические формулы. Эта «вульгаризация» медицины находила немалую поддержку в основании особых святилищ, в которых почиталось божество, приносящее здоровье и выздоровление от болезней.

В различных местностях Греции возник, таким образом, целый ряд культов, посвященных богам-врачевателям. В Лебадее чтили Трифония, в Оропе — Амфиарая и т. д. [9, с. 35]. При этом нужно иметь в виду, что для всех этих богов лечение было только побочным занятием. Настоящим же богом врачебного искусства с VII в. до н. э. считался Асклепий [1, с. 121, 247]. Посвященные ему храмы распространились в течение последующих веков по всей Греции, затмив, как места паломничества для больных, все другие культы. В местах культа Асклепия и развивалась особая ветвь греческой медицины, так называемая храмовая медицина [9, с. 35].

Прежде всего, следует отметить, что появление культа Асклепия как бога врачевания — одно из знаменательных и поворотных событий в истории медицины, свидетельствующих, с одной стороны, об осознании важной роли медицины в жизни греческого общества и росте авторитета врачей, с другой — о признании врачевания самостоятельной сферой деятельности. Асклепий первым как бы объединил в единый комплекс все наметившиеся рациональные направления развивающейся эмпирическим путем медицины [12, с. 56–57].

Храм, в котором больной мог получить медицинскую помощь, носил название «Ἀσκληπιεῖον» или «асклепион», что происходит от имени Асклепия.

Приток ищущих исцеления в храмах приобретал особенные размеры в праздничные дни, посвященные богу [9, с. 36]. При многих храмах также находились приюты для обращающихся за помощью больных, но накопление бывало так велико, что иным приходилось даже умирать под открытым небом. Следует отметить, что даже в окрестностях храма воспрещалось появление собак, мертвецов и рожениц [7, с. 196]. Жрецы строго следили за чистотой святилища и его посетителей. Религиозные правила не допускали в священные места все, что связано с рождением или смертью, считавшееся нечистым [11, с. 111]. Не только доступ, но и приближение к храмам разрешалось только после особенных приготовлений [7, с. 196]. Больные готовились к лечению при помощи различных религиозных церемоний; в их состав входили обмывания, купанье, молитвы, жертвоприношения и т. п.; в то же самое время жрецы с помощью различных средств пытались создать почву для проявления целебного действия Асклепия. Эта подготовка состояла в созерцании и чтении так называемых мраморных табличек, на которых описывались чудесные исцеления Асклепия. Раскопки в Эпидавре дали большое количество таких табличек [9, с. 36]. Табличка, описывающая исцеление Амброзии из Афин, является ярким примером храмовой медицины в древней Греции, иллюстрируя основные этапы ожи-

даемого лечения: поиск помощи у бога в стенах храма, сон, в котором бог явился, чтобы исцелить ее, но при условии, что она пожертвует в храм дар по обету, и пробуждение ото сна здоровой:

«Амброзия из Афин, слепая на один глаз, пришла, ища помощи у бога; проходя по святилищу, она насмеялась над рассказами об исцелениях. Ей казалось неверным и невероятным, и невозможным, что хромые и слепые могли исцелиться при помощи одних только сновидений. Однако и она увидела сон. Ей показалось, что к ней явился бог и обещал исцелить ее, но при том условии, если она пожертвует в храм дар по обету; при этом она должна принести в дар серебряную свинью как память об ее глупости. После такой речи бог вынул ее больной глаз и влил бальзам. Когда наступил день, слепая проснулась здоровой» [9, с. 37].

После этого следовало *τερηφόρῳς* или торжественное шествие по внутренним помещениям храма, во время которых жрецы рассказывали о чудесных излечениях, совершенных божеством, объясняли надписи и дары, а затем снимали покровы со статуи Асклепия, окруженного своими спутниками и мистическими символами [7, с. 196].

После вечерней службы, когда все больные, пришедшие в храм, были приведены таким образом в соответствующее религиозно-мистическое настроение, наступал наиболее важный акт, носивший название «сна в храме». Больные ложились спать в крытых галереях вдоль стен — абатон, помещение, разделенное на целый ряд отдельных комнат. Там больной проводил ночь. Под действием одурманивающих окуриваний, внушения и гипноза больные погружались в так называемые инкубационные или священные сны [11, с. 111]. Пациент засыпал с мыслью о чудесном исцелении, которое ждало его; под влиянием этих мыслей, всего пережитого, больным действительно очень часто снились сны, имевшие отношение к их болезни. Это внушение нередко усиливалось жрецами, которые, надев маску бога, и в сопровождении жриц и слу-

жителей, являлись больным в абатоне. Часто одновременно больные подвергались лечению со стороны этого «ложного бога». Само собой разумеется, это было возможно лишь при наличии у жрецов специальных знаний; можно также думать, что жрецам помогали настоящие врачи [9, с. 37]. Данные эпиграфики подтверждают, что в асклепионах проводились операции — на записях о «чудесах Асклепия» рассказываются случаи исцеления посредством операций [4, с. 57–58].

Излечение иногда наступало во время сна, а если это не происходило, то на следующий день жрецы записывали сон больного и толковали его под заранее составленный план лечения; таким образом, строилась система лечения, которую выдавали за приказ бога [16]. В соответствии с тем или иным сновидением назначались соответствующие средства против болезней: внутреннее или наружное употребление жертвенной крови, диетические средства, мед, изюм, слушание стихотворений, песни, посещение театра, езда верхом, охота, метание оружия, применение гипса, обильных кровопусканий, рвотных, слабительных и прочих [7, с. 196]. Для большей эффективности лечения жрецы сочетали медикаментозное лечение с созданием условий для обеспечения душевного и физического покоя больных, хорошо продуманную систему физических упражнений на стадионе, рациональное питание, основанное на требованиях диететики того времени и психотерапию, включавшую благоприятно воздействующие зрелища, устраиваемые в амфитеатрах [8]. Таким образом, лечение в асклепионах при храмах в значительной степени заключалось в разработанной системе внушения, а при необходимости применения лечебных процедур, особое внимание уделялось водолечению, массажу и диете [6].

Если такое «лечение» сопровождалось успехом, и чудодейственная сила Асклепия вновь проявлялась, то благочестивым долгом больного было выразить свою благодарность богу. Если не сам Асклепий, то его жрецы обладали земным желудком и потребностями смертных. В виду этого благодар-

ность больного выражалась в принесении дара. Этот дар чаще всего представлял собой ту часть тела исцеленного, которая у него болела. В зависимости от обеспеченности больного, модель делалась из золота, серебра, слоновой кости и т. п. [9, с. 38]. Подобные приношения, обнаруженные при раскопках, являются ценным источником для изучения древнегреческой медицины. Они дают представление, как о болезнях, так и об уровне анатомических сведений у древних греков [6]. Также исцелившийся больной был обязан принести серебряные или чугунные таблицы, на которых были начертаны история данной болезни и способы ее излечения. Они вывешивались на колоннах и дверных косяках храма. Нередко истории болезни записывались прямо на них [15, р. 109].

Однако не во всех храмах Асклепия лечение производилось так, как в Эпидавре; в одних основу лечения составлял бессознательный, благочестивый обман; в других практиковалось грубое надувательство (здесь для сравнения уместно вспомнить про современные нам места паломничества); везде, однако, сущность лечения состояла в планомерном воздействии на больного посредством внушения; все остальное, по сравнению с этим, отступало на задний план [9, с. 38].

Существовали также лечебницы, объединявшие в себе светскую и жреческую медицину. Отдельные асклепионы развились в настоящие лечебные учреждения в медицинском смысле; этот факт лучше всего доказывает самобытность врачебного мышления у греков. Такие учреждения пренебрегали всяким религиозно-мистическим сопровождением. Культ Асклепия в таких местах имел совершенно другое значение, отвечая религиозным потребностям самих врачей. Будучи врачом, образованный грек хорошо знал границы своего искусства, и там, где чувствовал себя бессильным, он охотно уступал место богу, в котором чтит своего покровителя-патрона [9, с. 39].

По сравнению с медициной в других регионах древнего мира, медицина в Элладе в относительно меньшей степени

находилась под влиянием религии. Жречество не приобрело в Элладе господствующего влияния [10, с. 60–61].

Наибольшее влияние на греческую медицину оказали расположенные в ближайшем соседстве города Кос и Книд, в которых к около 600 г. до н. э. поселился целый ряд асклепиадов — людей, которые вели свое происхождение от самого бога Асклепия и были первоначально семьей кровных родственников. Патриархальные отношения, существовавшие между отдельными членами семьи, делали излишней всякую регламентацию — её вполне заменяла семейная традиция. С течением времени, однако, семья Асклепиадов не могла уже удовлетворять все возрастающей потребности во врачебной помощи; ей пришлось принять в свою среду юношей посторонней крови; семья превратилась, таким образом, во «врачебный цех». Она осталась, однако, верной своей старой традиции, и все Асклепиады видели друг в друге родственников. Но то, что раньше в обществе связанных узами крови людей было понятно само собой, чуждые пришельцы пожелали точно сформулировать и выразить в форме устава [9, с. 40]. Этот устав сохранился в виде так называемой «Гиппократовой присяги» [4, с. 87–90]. Отношения между врачами, вошедшими в древнегреческий врачебный союз, определялись законами, созданными ими самими.

Организованное таким образом общество могло снять с государства заботу об образе действий своих сочленов по отношению к окружающей среде. На самом деле те обязательства, которые брал на себя новичок, вступая в сообщество были полной заменой правовых норм. Наряду с этическими законами, определявшими образ жизни врача, а также его отношение к больным и соблюдение врачебной тайны [9, с. 40].

Врачом *ἰατρός* греки называли всякого, кто занимался медициной как ремеслом. В узком же смысле *ἰατροί* назывались врачи, получавшие правильное образование, занимавшиеся всеми отраслями медицины и в особенности хирургией. Оттого врачи назывались также *τεχνίται*, *χειροτέχναι* и т. п. Врачом

мог стать всякий желающий, для чего выбирал себе учителя за вознаграждение. В Афинах по окончании курса обучения молодые врачи должны были произносить публичные речи в народных собраниях и указывать, кто был их наставником и какими способами они лечили больных. Тогда только они получали право на занятие должности врачей для правительственных целей и для общин, получая от них жалование. Вольно практикующие же врачи либо были оседлыми, либо путешествовали из города в город и по прибытии на место, прежде всего, должны были лечить бедных. Существовали врачи, лечившие элиту, а также военные и флотские врачи. Также известно, что врачи могли явиться экспертами перед судом, а общинные врачи должны были заботиться о санитарной полиции, предусмотренной законами Ликурга и Солона. Были также и врачи из несвободного сословия, которым позволялось лечить только рабов, при этом рабам не запрещалось лечиться у свободных врачей [7, с. 215].

Частный характер имела в древности и врачебная практика. Лишь при наличии исключительных обстоятельств, как, например, военного похода, осады или эпидемии, общины, в которых не было врачей, обращались в ту или иную медицинскую школу с просьбой о присылке к ним своих сочленов. Нужно, однако, сказать, что в некоторых греческих колониях уже около 600 г. до н. э. существовали общинные врачи, но лишь к концу V в. до н. э. такие должности появились всюду на греческой территории. Общины взимали особый медицинский налог *iatríkón*, из этих средств оплачивались врачи, а, кроме того, нередко из этих же средств приобреталось все нужное врачам для выполнения их обязанностей. Врачи могли получать вознаграждение за свой труд, но это вознаграждение не было обеспечено за ними законом. Этот добровольный гонорар врачи получали чаще всего в натуральной форме; некоторые врачи, в особенности за лечение высокопоставленных лиц, получали и очень крупные гонорары [9, с. 43–44]. Однако Диодор Сицилийский [14] предоставляет сведения о том, что

уже к VII в. до н. э. существовали оплачиваемые гражданские врачи. Это находит подтверждение и в данных Геродота [3], который упоминает Демокета, находившегося на жаловании в Эгине в 530 г. до н. э., а затем в Афинах и Самосе. Вероятно, это самое раннее упоминание врачей, нанятых государством для оказания медицинской помощи населению [13]. Положение врача в обществе было очень высоким. Врачи были освобождены от обязанностей перед государством. Они могли быть привлечены к службе государству лишь в случае эпидемии и на время военных походов, но только с согласия самого врача. О высоком положении врача в обществе и о глубоком уважении к врачебной профессии писал Геродот [3]. Доходило до того, что города Греции оспаривали друг у друга лучших врачей [2].

Наряду с врачами в собственном смысле слова, существовал также вспомогательный медицинский персонал; в круг его обязанностей входило собирание лекарственных материалов и приготовление лекарств, помощь врачам при выполнении ими их обязанностей и проведение незначительных хирургических операций.

Врачи оказывали помощь как у себя на дому, так и на дому у больных. Тяжелобольным помощь оказывалась на дому. Этим объясняется полное отсутствие в древности общественных больниц. Устройство помещения для пребывания и лечения пациентов было частным делом врача. Ему приходилось, благодаря этому, устраивать свой дом так, чтобы в нем он не только мог лечить больных и амбулаторно, и стационарно. И действительно, в V в. до н. э. устройство помещений для больных в домах врачей было обычным явлением, так что многие из них имели настоящие частные клиники. Их называли *ιατρεία*, хотя первоначально под этим именем понимали лишь рабочую комнату врача; последняя представляла собой самую важную часть всего целого. Примером такого дома врача, приспособленного и для помещения больных, служит так называемый «Дом Хирурга» в Помпеях; он отно-

сится, правда, к гораздо более поздней эпохе, но, по своему устройству, вполне соответствует древнегреческому образцу [9, с. 44–45].

Наряду с этими частными клиниками существовали отдельные Асклепии, игравшие роль общественных лечебных учреждений; туда принимались больные, чтобы пользоваться там лечением настоящих врачей. В этих учреждениях нельзя, однако, видеть больницы государственного типа, так как единственной их целью было дать возможность молодым врачам совершенствоваться в своем искусстве. Это были, следовательно, медицинские учебные учреждения. Образцом подобного рода учреждений может служить Асклепия в Косе. В полную противоположность Эпидавру, все устройство этой больницы показывает, что здесь преследовались цели действительного лечения больных. Асклепия, помимо нахождения в безлихорадочной местности, была защищена, кроме того, от южного ветра, который пользовался репутацией вредного для здоровья ветра. Асклепия пользовалась превосходной родниковой водой из источника, бравшего начало в горах и вытекавшего как раз там, где был расположен храм; вода источника распределялась по существовавшей уже в древности водопроводной сети, снабжавшей все здания. Эти здания были приспособлены в первую очередь для помещения больных. Т. Мейер-Штейнег цитирует слова исследователя Г. Херцога: «Критика Асклепиадов стала тем ядром, вокруг которого образовалось лечебное учреждение Асклепии» [9, с. 45–46].

Таким образом, в древней Греции VII–IV вв. до н. э. в равной степени с асклепионами действовали представители светской медицины, чья методика лечения заключалась в прямом воздействии на организм больного. Однако существовали и такие лечебницы, которые можно отнести одновременно и к храмовой, и светской медицине. В стенах некоторых асклепионов проводили действительное в современном понимании лечение, а молитвы и жертвоприноше-

ния носили вспомогательный характер, и только когда уже не помогала реальная терапия и возможности врачей были исчерпаны, представители таких лечебниц оставляли пациентов на богов. Такое сочетание храмовой и светской медицины было возможно потому, что греческое общество было пронизано культом олимпийских богов, и люди верили, что боги-врачеватели могут помочь, но в то же время практицизм греков приводил их к представителям светской медицины, чья методика лечения представляла собой действительное воздействие на организм больного. Соответственно, изучение особенностей греческого мировоззрения не позволяет согласиться с существующей в историографии точкой зрения, склонной проводить четкую разделительную черту между светской и сакральной медициной.

Литература

1. *Античные гимны* / Под ред. А. А. Тахо-Годи. — М., 1988.
2. *Бобров О. Е.* Медицина. Нравы, судьбы, бесправие [Электронный ресурс] / О. Е. Бобров. — Режим доступа: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/bioetica/Medicina.htm>. Доступ — 10.04.2016 г.
3. *Геродот.* История в 9 книгах / Пер. Г. А. Стратановского [Электронный ресурс] / Геродот. — Режим доступа: <http://www.vehinet/istoriya/grecia/gerodot/index.shtml>. Доступ — 20.10.2015 г.
4. *Гиппократ.* Избранные книги / Гиппократ / Пер. В. И. Руднева, комм. В. П. Карпова. В 3 Т. — М., 1936.
5. *Жебелев С. А.* Религиозное врачевание в древней Греции / С. А. Жебелев. — СПб, 1893.
6. *Заблудовский П. Е.* История медицины [Электронный ресурс] / П. Е. Заблудовский. — Режим доступа: <https://www.litmir.co/br/?b=177894>. Доступ — 20.10.2015 г.
7. *Ковнерь С. Г.* Медицина востока и древней Греции до Гиппократа / С. Г. Ковнерь // История древней медицины. — 1878. — Вып. 1.

8. *Левит М. М.* Асклепейон // БМЭ [Электронный ресурс] / М. М. Левит. — Режим доступа: <http://goo.gl/kdMR4Q>. Доступ — 20.10.2015 г.
9. *Мейер-Штейнег Т.* Древняя медицина: Медицина Древнего Востока и классической древности / Т. Мейер-Штейнег. — М., 2007.
10. *Петров Б. Д.* История медицины / Б. Д. Петров. — М., 1954.
11. *Сорокина Т. С.* Атлас истории медицины. (Первобытное общество. Древний мир): учеб. пособие для вузов / Т. С. Сорокина. — М., 1987.
12. *Тарасонов В. М.* Символы медицины как отражение врачевания древних народов / В. М. Тарасонов. — М., 1985.
13. *Cilliers L.* Medical practice in Graeco-Roman antiquity [Электронный ресурс] / L. Cilliers. — Режим доступа: <http://www.curationis.org.za/index.php/curationis/article/download/1071/1006>. Доступ — 20.10.2015 г.
14. *Diodorus Siculus.* Library of history / Transl. C. H. Oldfather [Electronic resource] / Diodorus Siculus. — Access mode: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Diodorus_Siculus/home.html. Access — 10.04.2016 г.
15. *Nutton V.* Ancient medicine / V. Nutton. — L.; N. Y., 2013.
16. *Wear A.* Medicine in Society. Historical Essays [Electronic resource] / A. Wear. — Access mode: <https://goo.gl/PRwxxB>. Access — 10.04.2016 г.

Bibliography (Transliteration)

1. *Antichnye gimny* / Pod red. A. A. Taho-Godi. — М., 1988.
2. *Bobrov O. E.* Medicina. Nruvy, sud'by, bespravie [Elektronnyy resurs] / O. E. Bobrov. — Rezhym dostupa: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/bioetica/Medicina.htm>. Dostup — 10.04.2016 g.
3. *Gerodot.* Istoriya v 9 knigah / Per. G. A. Stratanovskogo [Elektronnyy resurs] / Gerodot. — Rezhym dostupa: <http://www.vehi.net/istoriya/grecia/gerodot/index.shtml>. Dostup — 20.10.2015 g.
4. *Gippokrat.* Izbrannyye knigi / Per. V. I. Rudneva, komm. V. P. Karpova. V 3 T. — М., 1936.

5. *Zhebelev S. A.* Religioznoe vrachevanie v drevney Gretsyi / S. A. Zhebelev. — SPb., 1893.
6. *Zabludovskiy P. E.* Istoria mediciny [Elektronnyy resurs] / P. E. Zabludovskiy. — Rezhym dostupa: <https://www.litmir.co/br/?b=177894>. Dostup — 20.10.2015 g.
7. *Kovner S. G.* Medicina vostoka i drevney Gretsyi do Gippokrata / S. G. Kovner // Istoria drevney mediciny. — 1878. — Vyp. 1.
8. *Levit M. M.* Asklepeyon // BME [Elektronnyy resurs] / M. M. Levit. — Rezhym dostupa: <http://goo.gl/kdMR4Q>. Dostup — 20.10.2015 g.
9. *Meyer-Steineg T.* Drevnyaya medicina: Medicina Drevnego Vostoka i klassicheskoi drevnosti / T. Meyer-Steineg. — M., 2007.
10. *Petrov B. D.* Istoriya mediciny / B. D. Petrov. — M., 1954.
11. *Sorokina T. S.* Atlas istorii mediciny. (Pervobytnoye obshiestvo. Drevniy mir): ucheb. posobiye dlya vuzov / T. S. Sorokina. — M., 1987.
12. *Tarasonov V. M.* Simvoly mediciny kak otrazheniye vrachevaniya drevnih narodov / V. M. Tarasonov. — M., 1985.
13. *Cilliers L.* Medical practice in Graeco-Roman antiquity [Elektronnyy resurs] / L. Cilliers. — Режим доступа: <http://www.curationis.org.za/index.php/curationis/article/download/1071/1006>. Доступ — 20.10.2015.
14. *Diodorus Ciculus.* Library of history / Transl. C. H. Oldfather [Electronic resource] / Diodorus Ciculus. — Access mode: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Diodorus_Siculus/home.html. Access — 10.04.2016.
15. *Nutton V.* Ancient medicine / V. Nutton. — L., N. Y., 2013.
16. *Wear A.* Medicine in Society. Historical Essays [Electronic resource] / A. Wear. — Access mode: <https://goo.gl/PRwxxB>. Access — 10.04.2016.

(Золотой статер Перисада I)

Истоки возникновения культа правителя на Боспоре на примере культа Перисада I

Коваленко Дарья (V курс)

Коваленко Д. С. Истоки возникновения культа правителя на Боспоре на примере культа Перисада I. Статья посвящена проблеме возникновения эллинистического культа правителя на Боспоре, сакрализации Перисада I и ее причинам. Рассмотрена специфика понятия «культ правителя», также сделана попытка комплексно рассмотреть гипотезы о возникновении культа Перисада I.

Ключевые слова: культ правителя, Перисад I, Боспор.

Коваленко Д. С. Витоки виникнення культу правителя на Боспорі на прикладі культу Перисада I. Стаття присвячена проблемі виникнення елліністичного культу правителя на Боспорі, сакралізації Перисада I і її причин. Розглянута специфіка поняття «культ правителя», також зроблена спроба комплексно розглянути гіпотези про виникнення культу Перисада I.

Ключові слова: культ правителя, Перисад I, Боспор.

Kovalenko D. S. The Origins of the Ruler Cult in Bosphorus Based on the Cult Perisad I. The article is devoted to the emergence of the Hellenistic ruler cult in Bosphorus, the sacralization of Perisad I and its reasons. The specificity of the concept of the “ruler cult” is considered, also I attempted to comprehensively consider the hypothesis of the origin of the cult Perisad I.

Key words: the ruler cult, Perisad I, Bosphorus.

Куль^т боспорского правителя Перисада I на протяжении многих лет остается загадкой для исследователей. Единственный источник, свидетельствующий о существовании этого культа — «География» Страбона — не проясняет обстоятельств его возникновения, равно как и умалчивает о характере культового почитания Спартокида. Культ правителя принадлежит к числу наиболее характерных и вместе с тем наиболее неоднозначных явлений эллинистической идеологии. Источниковая база работы — уже упомянутый труд Страбона, сообщения Павсания и Плутарха. Историография довольно обширна и предоставлена работами Шубарта В., Самохиной Г. С., Свенцицкой И. С., Ростовцева М. И., Яйленко В. П., Молева Е. А., Завойкина А. А., Нефедова К. Ю., Шевченко О. К.

Нам представляется, что говорить о сакрализации Перисада I невозможно без обращения к истокам эллинистических царских культов. При этом нам не обойтись без исторических аналогий по причине скудости источниковой базы.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению возникновения культа Перисада I, необходимо сделать некоторые пояснения относительно общего понимания эллинистического культа правителя. В научной литературе этот культ часто трактуют как обожествление или сакрализацию личности правителя, что существенно искажает реальный смысл этого феномена. К. Ю. Нефедов акцентирует внимание на том, что в источниках эллинистической эпохи культ правителя предстает не обожествлением, а только воздаянием носи-

телям власти почестей, которые обычно воздавали богам, то есть почестей «богоравных» — именно так описывались акты учреждения культа монархов в официальных документах (Павсаний, II, 10, 1–2; Плутарх, Лисандр, XX). И это не просто особенности фразеологии — многочисленные источники свидетельствуют, что богоравное чествование не превращало монарха в божество в прямом смысле слова [4, с. 95]. Правитель, почитаемый культовыми почестями, продолжал оставаться смертным, за благополучие которого приносили жертвы «настоящим богам», которому невозможно было молиться и давать обеты как богу [12, S. 18–20]. «Обожествление» было скорее метафорическим, чем реальным, и это важно помнить при оценке культа правителя, особенно на той ранней стадии его развития, которая нас интересует [4, с. 95–96].

Первым из плеяды эллинистических монархов, обожествивших свою персону, был Александр Македонский. Известен факт его признания сыном Амона. В этом поступке определенно просматривается параллель с политикой Ахеменидов, которые, в свою очередь, опирались на многовековую традицию египтян обожествлять своих фараонов. Это обожествление Александра ни в коей мере не являлось общегосударственным, оно было значимо лишь в Египте и не могло повлиять на отношение к македонскому царю тех же персов, бактрийцев, финикийцев. Гораздо важнее то, что Александра признали новым Дионисом афиняне, а в 324 г. до н. э. греческие полисы послали в Вавилон «феоров для возложения на Александра золотого венца» [2, с. 12]. Подобный шаг сначала Афин, а после и остальных полисов находился полностью в рамках общеэллинистической традиции, наметившейся еще во времена Лисандра. Впрочем, подобные действия, кажется, не вызвали особого резонанса в широких слоях населения. Чуть позже Птолемею придется устанавливать посмертный культ Александра, фактически начиная с начала прервавшуюся религиозную практику. После смерти Александра наступили смутные времена войн диадохов.

Первыми после Александра, были обожествлены Антигон¹ и Деметрий в 307 г. до н. э. (Плутарх. Деметрий. X—XII) [4, с. 98; 7, с. 74]. Произошло это в Афинах. Г. С. Самохина, в своей статье подробно проанализировав истоки культа этих царей, пришла к выводам, с которыми нельзя не согласиться: причиной для дарования Антигону и Деметрию божественных почестей послужили их военные победы; обожествление обоих идет по линии их отождествления с наиболее почитаемыми в полисе греческими божествами; личность монарха и его поступки придают ему особые божественные черты, превращающие его в «живого бога» [7 с. 77]. Таким образом, мы видим, что к концу правления Перисада I уже были прецеденты установления культа правителя хотя бы в начальном виде. Но, какие же истоки возникновения подобного культа на Боспоре?

Для начала обратимся к свидетельству Страбона. Он говорит об «обожевлении» Перисада в контексте общей оценки правления ранних Спартокидов: «Город [Пантикапей] долгое время управлялся властителями из среды Левкона, Сатира и Перисада, также и все окрестные поселения вокруг устья Меотиды, до передачи Перисадом власти Митридату. Они назывались тиранами, хотя в большинстве своем были достойными, начиная от Перисада и Левкона. Перисад был даже признан богом» (Страбон. География, VII, 4). В этом фрагменте, таким образом, не говорится непосредственно об учреждении культа боспорского правителя. Страбон упоминает только о том, что его «признали богом». Отсюда некоторые исследователи делают вывод, что Перисад действительно был причислен к пантеону боспорских божеств. Это, однако, представляется более чем сомнительным. Для эпохи Периса-

---

¹ Впрочем, в настоящее время можно определить и более раннюю дату обожествления диадохов. Видимо ее следует считать 314 г. до н. э. или, по крайней в 311 г. до н. э. Географический регион обожествления — Малая Азия и о. Делос. Но широкое распространение культ получил лишь с 307 г. до н. э., когда он «прописался» в этнокультурном коде Эллады.

да, который скончался в 310 г. до н. э., провозглашение человека божеством было все же не обычным делом. Официальное наименование правителя божеством впервые встречается только в афинском гимне в честь Деметрия Полиоркета, который датируется 291–290 гг. до н. э. (Athen. VI, 253b–254a). В государственном же культе «богами» впервые начинают называть только Птолемеев не ранее конца 80-х гг. III в. до н. э. [11, S. 87]. Вместе с тем, хорошо известно, что богоравные почести некоторые люди в греческом мире получали и гораздо ранее. Эти почести не превращали человека в божество, а воспринимались лишь как высшая степень почета. Поэтому гораздо более вероятно, что Перисада не провозгласили божеством в прямом смысле слова, а только лишь воздали ему богоравные почести [4, с. 96].

Из сообщения Страбона мы можем сделать вывод, что культ Перисада по своему характеру был весьма близок к эллинистическому культу правителя. Поэтому нет оснований говорить о какой-то особой боспорской специфике этого культа: он вполне укладывался в общегреческие представления о чествовании монарха. Возникает естественный вопрос — мог ли такой культ возникнуть на Боспоре без влияния извне, путем естественного внутреннего развития? Некоторые исследователи полагают, что это вполне возможно, усматривая в возникновении культа Перисада следствие протоэллинистического характера государственности: здесь, якобы, еще в доэллинистическую эпоху сложились условия, подобные тем, что существовали в монархиях диадохов, и поэтому уже тогда возник такой характерный для эллинизма институт, как царский культ. Такое предположение первым высказал еще М. А. Ростовцев [6, с. 193].

Особенно же убежденно отстаивает подобную точку зрения В. П. Яйленко [10, с. 248]. По его мнению, Боспор в области культа правителя, как и во многом другом, опередил иные районы античного мира. Культ Спартокидов зародился здесь еще в середине IV в. до н. э. под влиянием местных («иран-

ских») традиций сакрализации власти. Однако его аргументы не кажутся нам убедительными. В научной литературе неоднократно было показано, что иранские традиции сакрализации власти (почитание фарна, проскинезис и т. д.) не имеют ничего общего с культом эллинистических правителей, как и с царским культом вообще. Это была давняя традиция почитания власти, но не культа личности правителя, что отмечает и сам В. П. Яйленко. Поэтому даже если бы Спартокиды и придерживались иранских традиций почитания власти, что само по себе весьма сомнительно, то это вряд ли привело бы их к созданию царского культа эллинистического типа. Во всяком случае, аналогов подобной эволюции в эпоху эллинизма нет. Более правдоподобным выглядит мнение некоторых исследователей о том, что возникновению культа Перисада способствовали местные боспорские традиции почитания героев. Культ героев был, судя по всему, весьма распространен на Боспоре в доэллинистическую эпоху: наряду с Гераклом, Ахиллом и Диоскурами, здесь почитали различных локальных героев, а также, возможно, героев-кτισтов некоторых городов. Среди последних должны были быть и вполне исторические личности, например, Горгипп, основатель Горгиппии. Они, очевидно, почитались в посмертном героическом культе, как это было принято во всей Греции, но письменных свидетельств о существовании на Боспоре такого почитания не сохранилось [4, с. 96].

Не исключено, что посмертного героического почитания удостоились и некоторые предшественники Перисада I из династии Спартокидов. Прежде всего, это Сатир I. Из сообщения того же Страбона известно о существовании на азиатской стороне Боспора «памятника Сатира» (Страбон, XI, 2, 7), который современные исследователи связывают с посмертным героическим культом этого тирана [1, с. 53]. По мнению А. Завойкина и других ученых, в пользу существования посмертного героического культа Сатира на Боспоре свидетельствует также факт размещения на боспорских монетах с начала IV в.

до н. э. изображения головы персонажа дионисийского круга — сатира. Судя по всему, это была «говорящая эмблема» Сатира I, а также всей династии Спартокидов и Боспорского царства, фактическим создателем которого был этот династ. Некоторые ученые полагают, что изображения на монетах даже имели портретные черты Сатира. Нечто подобное имело место в Сиракузах, в правление там основателя «Сицилийской державы» Дионисия Старшего — статуи Диониса делались там тогда с портретными чертами тирана. Тем не менее, говорить о существовании посмертного героического культа Сатира лишь на основании присутствия на монетах подобных изображений нельзя — никаких эпиграфических или археологических свидетельств в подтверждение этого предположения до нас не дошло. Не вызывает сомнений только тот факт, что Сатир I после смерти пользовался особым почтением у боспорян, имел «культовый статус» в современном понимании этого слова [4, с. 97].

О героическом почитании других представителей династии Спартокидов до Перисада I ничего не известно. Таким образом, если на Боспоре и существовали внутренние предпосылки для возникновения культа правителя, то они были весьма незначительными. Несомненно, что сам факт существования единоличной власти, традиции культа героев, распространявшиеся, возможно, и на исторических личностей, и почитание в какой-то форме Спартока I определенным образом могли способствовать зарождению идеи сакрального почитания правителей. Но сами по себе все эти предпосылки, конечно, не могли привести к возникновению культа эллинистического типа, каковым, судя по всему, был культ Перисада I. Исторической параллелью в этом отношении может быть Сицилия — там существовали мощнейшие традиции культа героев, как минимум, с середины V в. до н. э. отправлялся посмертный героический культ различных тиранов, имели место даже эпизоды воздаяния героических и, возможно, божественных почестей людям при жизни. Но, тем не менее, в эпоху эл-

линизма там отнюдь не возникло культа правителя, подобного тому, который существовал в монархиях диадохов [4, с. 100]. Из этого следует сделать вывод, что одних локальных предпосылок для возникновения царского культа эллинистического типа было недостаточно. Необходимо было еще и влияние неких общих идеологических процессов, связанных с завоеваниями Александра, распадом его империи и становлением новой формы государственности — эллинистической монархии. Поэтому можно с полным основанием согласиться с мнением А. А. Завойкина о том, что при изучении формирования культа Спартокидов следует «менее всего исходить из идеи его исключительности» и ориентироваться, прежде всего, на ход аналогичных процессов в других регионах эллинистического мира [1, с. 62]. Ряд исследователей придерживаются мнения, что сакрализация Перисада носила частный характер [4; 9; 3]. И это вписывается в канву социально-политической и религиозной жизни Боспора конца IV в. до н. э. Еще в первой половине этого столетия здесь существовали частные организации, чтившие безымянного героя [3, с. 146]. Как уже упоминалось, некоторые исследователи считают, что дед Перисада I — Сатир I — после смерти был причислен к культу героев, а это облегчало возможность прижизненной сакрализации его внука. Другой немаловажный момент: наплыв на Боспор переселенцев из других частей эллинского мира [9, с. 7]. Между тем гражданское население эллинских полисов, несмотря на давление со стороны царской власти, ревностно держалось полисных традиций, не желая с кем-либо делиться своими гражданскими правами. Создавалась классическая ситуация, когда оторванные от своей родины люди, прибывшие зачастую из разных уголков Ойкумены, объединялись в сообщества на религиозной основе, дабы не чувствовать себя на чужбине ущемленными. В сообществах переселенцев могло возникнуть почитание боспорского царя в благодарность за предоставление им права на жительство и в надежде на его защиту и поддержку. Не исключено также, что божественные

почести Перисаду воздавала узкая группа придворных, полностью зависевших от царской воли [9, с. 8].

Так или иначе, но одно, несомненно: почитание Перисада I не было явлением общегосударственным (видимой связи между политическими реформами правителя и его обожествлением не наблюдается), оно носило локальный характер, являясь частным делом граждан (боспорян), и происходило, скорее всего, в рамках организаций типа оргеонов. Аналогичные явления известны в эллинистическом мире, рассмотренная нами организация культа была традиционной и не оскорбляла религиозных чувств гражданского коллектива эллинских полисов, что в условиях сложной социально-политической обстановки на Боспоре в конце IV в. до н. э. было немаловажно.

Вернемся к вопросу о том, что могло послужить боспорянам примером для учреждения культа Перисада. Ясно, что проникнуть на такую периферию античного мира культ правителей мог, конечно, только после того, как превратился в массовое явление. Единичные прецеденты воздаяния божеских почестей политическим лидерам, имевшие место в доэллинистическую эпоху вряд ли бы оказали на боспорян существенное влияние. Такое влияние можно предполагать не ранее эпохи Александра Македонского. Однако и тут мы сталкиваемся с проблемой — вопреки распространенному мнению о том, что при Александре царский культ имел массовый характер, исторические факты позволяют говорить только о том, что прижизненное почитание македонского завоевателя было учреждено лишь в некоторых греческих полисах в последний год его жизни [4, с. 102]. Тем не менее, существуют предположения, что прижизненный культ Александра все-таки проник в Северное Причерноморье, и, следовательно, мог определенным образом повлиять на выбор почестей для Перисада. Согласно сообщению Аммиана Марцелина, в Гилее, священной хоре Ольвии, в римскую эпоху вместе с алтарем Августа существовал и алтарь Александра

(Аммиан Марцелин, XXII, 8, 40). Поскольку памятник вероятнее всего был установлен именно в римскую эпоху, мы считаем, что не целесообразно полагать, что культ Перисада мог быть учрежден на Боспоре под влиянием прижизненного почитания Александра Македонского. В таком случае, остается только одно — допустить влияние на боспорян практики культового почитания правителей, имевшей место в последнее десятилетие жизни Перисада I, то есть в 10-е годы IV в. до н. э. В указанное время весьма масштабным было почитание Антигона Одноглазого в 314–311 гг. до н. э. По существу, именно Антигон стал первым правителем античного мира, удостоившимся божественных почестей при жизни в массовом порядке. И это вряд ли укрылось от внимания боспорян — культ Антигона отправлялся преимущественно в малоазийских и островных полисах, с которыми Боспор имел достаточно тесные торгово-экономические контакты. Немаловажным фактором было существование этого культа на острове Делос, который, как центр почитания Аполлона, являлся священным местом для боспорян. Поэтому можно полагать, что именно культовое чествование Антигона стало решающим фактором при выборе почестей для Перисада I. Конечно, расцвет культа Антигона пришелся на последние годы правления боспорского династа, но ведь именно тогда Перисад и достиг наибольшего могущества за всю историю своего правления [4, с. 109].

Получение божественных почестей Перисадом в таких условиях превращалось в достаточно серьезную политическую акцию. Воздав такие почести своему правителю, боспоряне признавали его не менее достойным, чем Антигон Одноглазый и даже сам Александр. Вряд ли можно сомневаться в том, что боспоряне прекрасно осознавали этот аспект учреждения культа Перисада. Ведь почести в античном мире всегда служили средством сравнения статуса и авторитета получающих их личностей, а никто, кроме Антигона и Александра (посмертно), таких почестей тогда не получал [5, с. 14]. По-

этому приходится полагать, что учреждение культа Перисада было вполне сознательным ответом на распространение культа Антигона, даже своего рода вызовом могущественному претенденту на трон македонской империи. Получив божественные почести от своих подданных и приравнявшись тем самым к Антигону, Перисад подчеркивал свою независимость от общеимперской системы распределения власти и защищал себя от возможных властных притязаний со стороны наиболее могущественного диадоха. Вероятнее всего это произошло в 314–311 гг. до н. э., так как только тогда распространился культ Антигона в греческих полисах. В это же самое время Антигон захватил южнопонтийский берег и тем самым впервые непосредственно затронул интересы Боспорского царства. Вполне возможно, что учреждение культа Перисада в какой-то мере было ответной реакцией именно на эти действия. Нам неизвестно, какова была судьба культа Перисада I после его смерти [5, с. 17].

Надо полагать, что не он не был упразднен последующими Спартокидами, так как Перисад всегда считался одним из наиболее выдающихся боспорских правителей, и воздаяние ему должных почестей в культовой форме только бы подчеркивало династическую преемственность и легитимность последующих поколений боспорских монархов [5, с. 23].

Подведем итоги. Итак, культ Перисада I, по нашему убеждению, возник в последние пять лет правления этого династа как своеобразная реакция на распространение в греческих полисах культа Антигона Одноглазого. Важнейшей причиной возникновения этого культа, как можно полагать, было желание Спартокидов приравняться по своему статусу к диадохам и Александру и обосновать тем самым свое право на независимое правление в регионе Понта и самостоятельную внешнюю политику в Восточном Средиземноморье в целом. Культ Перисада I был весьма оригинальным явлением как в истории Боспорского царства, так и в эллинистической истории вообще. Он появился раньше, чем культы многих преемни-

ков Александра и просуществовал дольше, чем подавляющее большинство аналогичных культов в других регионах античного мира.

Литература

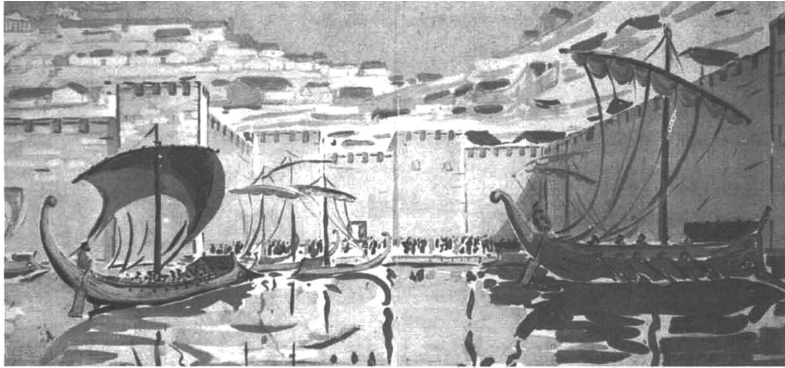
1. *Завойкин А. А.* Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo XI. 2, 7) / А. А. Завойкин // ДБ. — 2000. — № 3. — С. 47–62.
2. *Левек П.* Эллинистический мир / П. Левек. — М., 1989. — 256 с.
3. *Молев Е. А.* Сакральные граффити из Китея / Е. А. Молев // БФ: Погребальные памятники и святилища. — СПб., 2002. — № 1. — С. 146–151.
4. *Нефедов К. Ю.* Культ правителя и коронация диадохов / К. Ю. Нефедов // История античного общества. — Вып. 12. — Нижний Новгород, 2009. — С. 92–123.
5. *Нефедов К. Ю.* Культ Перисада I на Боспоре: попытка исторической реконструкции / К. Ю. Нефедов // Сакральное и власть в античности (Электронный журнал). — № 2. 2011–2012. — Режим доступа: http://antikavlast.at.ua/publ/vypusk_2_2012/5.
6. *Ростовцев М. И.* Государство и культура Боспорского царства / М. И. Ростовцев // ВДИ. — № 2. — 1982. — С. 186–197.
7. *Самохина Г. С.* Афины и ранние Антигониды: К вопросу об эволюции культа правителя в раннеэллинистический период / Г. С. Самохина // Античная гражданская община. — СПб., 1986. — С. 59–77.
8. *Свенцицкая И. С.* Человек и мир в восприятии греков эллинистического времени / И. С. Свенцицкая // Эллинизм: Восток и Запад. — М., 1992. — С. 201–248.
9. *Шевченко О. К.* Сакрализация Перисада I (общие предпосылки) / О. К. Шевченко // Сакральное и власть в античности (Электронный журнал). — № 2. 2011–2012. — Режим доступа: http://antika-vlast.at.ua/publ/vypusk_2_2012/5.
10. *Яйленко В. П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях / В. П. Яйленко // Женщины в античном мире. — М., 1995. — С. 242–253.

11. *Hölbl G.* Geschichte des Ptolemäerreiches / G. Hölbl // Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander der Grossen bis zum römische Eroberung. — Darmstadt, 1994. — 374 S.
12. *Schubart W.* Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus / W. Schubart. — München, 1937. — 380 S.

Bibliography (Transliteration)

1. *Zavoykin A. A.* Pamyatnik Satira I na aziatskom Bospore (Strabo XI. 2, 7) / A. A. Zavoykin // DB. — 2000. — № 3. — S. 47–62.
2. *Levek P.* Ellinisticheskiy mir / P. Levek. — M., 1989. — 256 s.
3. *Molev Ye. A.* Sakral'nyy graffiti iz Kiteya / Ye. Molev // BF: Pogrebal'nyy pamyatniki i svyatilishcha. — SPb., 2002. — № 1. — S. 146–151.
4. *Nefedov K. Y.* Kul't pravatelya i Koronatsiya diadokhov / K. Y. Nefedov // Istoriya antichnogo obshchestva. — Vyp. 12. — Nizhniy Novgorod, 2009. — S. 92–123.
5. *Nefedov K. Y.* Kul't Perisada I na Bospore: popytka istoricheskoy rekonstruktsii / K. Y. Nefedov // Sakral'noy i vlast' v antichnost' (Elektronnyy zhurnal). — № 2. 2011–2012. http://antikavlast.at.ua/publ/vypusk_2_2012/5.
6. *Rostovtsev M. I.* Gosudarstvo i kul'tura Bosporskogo tsarstva / M. I. Rostovtsev // VDI. — № 2. — 1982. — S. 186–197.
7. *Samokhina G. S.* Afiny i ranniye Antigonidov: K voprosu ob evolyutsii kul'ta pravatelya v ranneellinisticheskogo period / G. S. Samokhina // Antichnaya grazhdanskaya obshchina. — SPb., 1986. — S. 59–77.
8. *Sventsitskaya I. S.* Chelovek i mir v vospriyatii grekov ellinisticheskogo vremeni / I. S. Sventsitskaya // Ellinizm: Vostok i Zapad. — M., 1992. — S. 201–248.
9. *Shevchenko O. K.* Sakralizatsiya Perisada I (obshchiye predposylki) / O. K. Shevchenko // Sakral'noye i vlast' v antichnosti (Elektronnyy zhurnal). — № 2. 2011–2012. http://antika-vlast.at.ua/publ/vypusk_2_2012/5.

10. *Yaylenko V. P.* Zhenshchiny, Afrodita i zhritsa Spartokidov v novykh bosporskikh nadpisyakh / V. P. Yaylenko // Zhenshchiny v antichnom mire. — M., 1995. — S. 242–253.
11. *Hölbl G.* Geschichte des Ptolemäerreiches / G. Hölbl // Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander der Grossen bis zum römische Eroberung. — Darmstadt, 1994. — 374 S.
12. *Schubart W.* Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus / W. Schubart. — München, 1937. — 380 S.

*(Вид Ольвии со стороны Гипаниса (совр. Южного Буга),
реконструкция С. Д. Крыжицкого)*

Влияние греческих и варварских социокультурных традиций на религию Ольвии

Коновалова Татьяна (IV курс)

Коновалова Т. Н. Влияние греческих и варварских социокультурных традиций на религию Ольвии. Статья посвящена проблеме влияния греческих и варварских социокультурных традиций на религиозные воззрения ольвиополитов. Особое внимание в исследовании уделено преемственности традиций Милета в культуре и религии Ольвии.

Ключевые слова: Ольвия, религия, традиции, греки, скифы.

Коновалова Т. М. Вплив грецьких і варварських соціокультурних традицій на релігію Ольвії. Стаття присвячена проблемі впливу грецьких і варварських соціокультурних традицій на релігійні погляди ольвіополітів. Особливу увагу в дослідженні приділено спадкоємності традицій Милета в культурі і релігії Ольвії.

Ключові слова: Ольвія, релігія, традиції, греки, скіфи.

Konovalova Tatyana. The Influence of Greek and Barbarian Socio-cultural Traditions in Olbia Religion. The article is devoted to the problem of Greek and Barbarian socio-cultural traditions influence on the religious beliefs of olbiopolitoi. Particular attention is paid to the continuity Miletus traditions in the Olbia culture and religion.

Key words: Olbia, religion, tradition, Greeks, Scythians.

Древняя Ольвия была основана в VI в. до н. э., в то время, когда греческая религия сложилась в относительно устойчивую систему. В Ольвию религиозные воззрения были привезены переселенцами из Милета. Это привело к тому, что изначально в милетских поселениях в Северном Причерноморье почитались те же божества, что и в метрополии, а древнейшие религиозные празднества повторяли те, которые колонисты привыкли отмечать на своей прежней родине. Однако по мере своего развития Ольвия приобретала тесные связи с другими полисами и местными племенами, что привело к формированию специфических местных черт религиозной жизни. Определение степени влияния греческих и варварских социокультурных традиций на общественную и духовную жизнь ольвиополитов позволяет рассмотреть особенности формирования и эволюции религиозных воззрений жителей полиса.

Хронологические рамки исследования определяются VI—I вв. до н. э. и охватывают время становления города, его наивысшего расцвета и упадка в связи с гетским завоеванием.

Источниковая база исследования представлена трудами древних авторов (Геродота, Страбона) [4, 11], эпиграфическими и археологическими данными. Письменные источники дают важные свидетельства об общественной и религиозной жизни греков. Но эти сведения, как правило, отрывочны и лаконичны, они дают мало информации о времени и характере почитания богов. Основными источниками по данной проблеме являются, прежде всего, культовые и погребальные комплексы, эпиграфические данные, произведения коропластики. Эпиграфические материалы в комплексе с археологическими

позволяют установить структуру, месторасположение и время существования отдельных святилищ, а также выделить обряды и характер почитания богов ольвийского пантеона.

В историографии вопрос о взаимодействии греческих и варварских элементов в политической и экономической жизни Северного Причерноморья поднимался неоднократно. Однако проблема влияния греческих и скифских социокультурных элементов на религиозную жизнь полисов, в частности Ольвии, в работах отечественных и зарубежных исследователей практически не освещалась. Отдельные аспекты данной проблемы рассматривались в трудах Русяевой А. С. [7, 8], Виноградова Ю. Г. [3], Ручинской О. А. [10].

Целью данного исследования является изучение вопроса о преемственности социокультурных традиций Милета в религиозной жизни ольвиополитов, а также определение степени влияния греческих и варварских элементов на религию и культы Ольвии.

В религии и в культурной жизни ольвиополитов на протяжении веков сохранялись милетские традиции. Греческая колонизационная практика предполагала, что в еще метрополии формировался основной костяк будущего полиса — гражданская община. Это приводило к тому, что на новое место жительства колонисты переносили уже устоявшиеся социокультурные традиции.

В Ольвийском полисе в VI—I вв. до н. э. наблюдается не только практически полный состав милетского пантеона, но и заимствование из метрополии большинства эпиклез богов. Важнейшим событием в духовной жизни ольвиополитов VI—V вв. до н. э. было введение культа Аполлона Дельфиния, храм которого располагался на Центральном теменосе. Подобно милетскому Дельфиниону, это святилище бога на протяжении многих веков являлось главным религиозным центром ольвийского полиса [7, с. 92].

Следует отметить, что первоначальное введение и копирование милетского культа Аполлона Дельфиния в Ольвии

проходило благодаря деятельности аристократического сакрального союза мольпов. Вероятно, в Ольвии этот союз возник синхронно с введением бога в ипостаси владыки нового полиса и миротворца всех граждан. Большинство членов этого сакрального объединения принадлежало к наиболее влиятельным и богатым слоям населения.

Жрецами храма Аполлона (союзом мольпов) проводились священные общественные обряды, приуроченные к событиям государственной важности, что свидетельствует о первостепенном значении культа Аполлона в Ольвии. Культ этого божества просуществовал в полисе длительное время. В эпоху эллинизма на территории теменоса Аполлону был выстроен большой периптериальный храм. Как и в милетском Дельфинионе, здесь хранились государственные акты.

Помимо культа Аполлона, в Ольвию из Милета были перенесены традиции почитания и других божеств: Зевса, Деметры, Диониса, Гермеса, Афины, Афродиты, в честь которых также проводились празднества. Так, важное место в пантеоне ольвийских божеств занимал Зевс Сотер. Под этой эпikleзой он был наиболее известен в Милете и Дидимах, что дает право считать, что его культ был перенесен сюда переселенцами из Ионии. Этот бог выполнял функции защиты, и значение его культа усиливалось в периоды военных действий и других кризисных ситуаций [8, с. 373].

Большое значение в Ольвии приобрел культ Ахилла. Вероятно, культ этого героя был учрежден милетскими колонистами благодаря большой популярности поэмы Гомера «Илиада», которая повествует о его героических подвигах в Троянской войне. Кроме того, А. С. Русяева отметила, что мифы и культ Ахилла находились в тесном взаимодействии с колонизационно-религиозной практикой милетян в районе Нижнего Побужья. В этих мифах заключена определенная идея: беспрепятственное овладение героем пустынной земли, что оправдывало переселение эллинов в северные районы античной ойкумены. Ахилл возводился к первым сакральным

колонистам, которые якобы находились в определенных местностях Березанского региона еще в те времена, когда они не были заселены [8, с. 474].

Организационное отправление основных культов в Ольвии, как и в других греческих полисах, находилось в руках союзов жрецов. Вероятно, от этих союзов зависели особенности формирования и характер господствующих религиозных обрядов и представлений. Жреческая прослойка в ольвийском обществе занималась не только выполнением религиозных обязанностей, но и принимала активное участие, как и в Милете, в осуществлении гражданской власти.

Следует отметить, что служение родному полису занимало важнейшее место в жизни аристократии. Понятие «τιμή», которое означало почет, готовность служить своему государству, входило в моральный кодекс аристократии. Наряду с этим одним из важнейших элементов мироощущения аристократа был «ἀγών» — «дух соревнования». Это понятие нашло свое отражение в традиции проведения религиозных празднеств, сопровождавшихся спортивными и музыкальными состязаниями [9, с. 95].

Начиная с V в. до н. э. в честь Ахилла на Тендровской косе проводились празднества, которые сопровождались гимнастическими и конными состязаниями. Кроме того, эпитафические источники указывают на проведение спортивных агон во время празднеств в честь Аполлона и Гермеса, а также муссических состязаний во время праздников Диониса.

Еще одной особенностью, свидетельствующей о влиянии Милета на общественно-религиозную жизнь полиса, является заимствование календаря метрополии. На стенках скифоса V в. до н. э., найденного в Ольвии, содержится название всех 12 месяцев ольвийского календаря. Сопоставление их с милетским календарем показывает практически полное совпадение набора месяцев и их порядка [2, с. 137]. Это свидетельствует не только о заимствовании полисом календаря метрополии, а и об основных религиозных празднеств, которые

отмечались в определенное время. Следует отметить, что из 12 месяцев милетского календаря 7 встречаются в ольвийских лапидарных документах римского времени, что свидетельствует об устойчивости календарной традиции на протяжении всей истории полиса.

Из метрополии в Ольвию также были перенесены ионийский диалект в его милетском варианте, алфавит, палеография, антропонимия, основы образования, мифологического и литературного творчества.

Значительное влияние эллинских традиций на культурную и религиозную жизнь Ольвии не вызывает сомнений. Однако установить степень воздействия варварских элементов на политическую и религиозную ситуацию в ольвийском полисе до сих пор не представляется возможным.

В историографии высказывались разные точки зрения о влиянии скифских традиций на отдельные культы божеств в Северном Причерноморье. В частности, существует несколько противоположных мнений о характере культа Афродиты Урании и Афродиты Сирийской в Ольвии и на Боспоре. Первая сводится к тому, что Афродита Урания — это синкретическое греко-варварское божество, созданное и развившееся на местной основе. Популярность культа Афродиты в городах Северного Причерноморья и, особенно, на азиатской стороне Боспора объясняется тем, что греческие религиозные представления, связанные с идеей обожествления производительных сил природы, встретились с существовавшим у местного меото-синдского и скифо-сарматского населения аналогичным культом женской богини [4, с. 201–202]. Другие исследователи возводят происхождение Афродиты Урании к скифской Агримпасе.

В последние годы появилась еще одна точка зрения, последователи которой указывают на характерные греческие черты в культе Афродиты Урании и Афродиты Сирийской и отрицают перенесение традиций скифов на культ этой богини в Северном Причерноморье. Русяева А. С. отмечает, что в культе

Афродиты на Боспоре и в Ольвии невозможно найти какие-либо сугубо местные черты, которые бы отличали почитание богини здесь от соответствующего почитания в Ионии, материковой и островной Греции [8, с. 302]. Аналогичной точки зрения придерживается и Стефани Будин, которая утверждает, что восточные черты культа Афродиты, и в частности ее эпиклеза «Сирийская», были перенесены в Северное Причерноморье еще в период колонизации [14, с. 123–124].

Для понимания причин появления и характера культа Афродиты в Ольвии стоит обратиться к археологическим и эпиграфическим данным. Археологические источники свидетельствуют, что в Ольвии культ Афродиты существовал уже во второй половине VI в. до н. э. Наряду с другими божествами (Аполлоном Иетросом, Афиной, Аполлоном Бореом, Дионисом, Гермесом), Афродита почиталась на Западном теменосе. В V в. до н. э. храм богини возводится на Южном теменосе Ольвии. Подобно милетскому святилищу, он был расположен в юго-восточной части городища, на его самой высокой точке [1, с. 8]. Культ Афродиты также засвидетельствован на о. Березань. Святилище богини возникло на о. Березань в третьей четверти VI в. до н. э. Здесь был обнаружен ряд терракотовых статуэток сидящих богинь. Эти терракоты у эллинов могли ассоциироваться с образом Афродиты, с другой стороны — в дар Афродите могли приносить и статуэтки близких ей мифологических персонажей. Обращает на себя внимание сходство эпиграфических материалов, а также терракотовых изделий, найденных в храмах богини в Милете и на о. Березань: изображения сидящих богинь, фигурные сосуды с изображением стоящей богини с птицами и т. д. Следует отметить, в святилище Афродиты в Милете обнаружены «дедалийские» терракоты, фигурные сосуды для благовонных масел с изображением Афродиты с голубем, тип которых хорошо знаком по находкам в Истрии и Ольвии, разнообразные бронзовые и костяные изделия, амулеты из восточногреческого фаянса [5, с. 147]. Эти данные свидетельствуют о том,

что культ Афродиты, которая почиталась греками в качестве покровительницы мореплавания и доброй помощницы в морских путешествиях, в Ольвию, очевидно, был перенесен из Милета — метрополии полиса.

Таким образом, культурные традиции и религиозные воззрения были перенесены в Ольвию непосредственно из ее метрополии — Милета. В период греческой колонизации в Ольвию были перевезены исконные греческие традиции, которые сохранялись здесь в период всего существования полиса во всех сферах жизни. Это привело к тому, что ольвийский пантеон божеств практически полностью повторял милетский. Здесь были восстановлены не только греческие традиции почитания богов, но и копировались отдельные элементы в устройстве их святилищ, что четко прослеживается на примере культов Аполлона и Афродиты. Кроме того, в Ольвию из Милета был перенесен календарь и в соответствии с ним проведение общеполисных религиозных празднеств.

Литература

1. *Буйских А. В.* Южный теменос Ольвии Понтийской (предварительные итоги изучения) / А. В. Буйских // ВДИ. — 2015. — № 2. — С. 6–21.
2. *Виноградов Ю. Г.* Граффити из святилища Аполлона на Западном теменосе Ольвии / Ю. Г. Виноградов, А. С. Русяева // Херсонесский сборник. — 2001. — № 11. — С. 134–142.
3. *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. / Ю. Г. Виноградов. — М., 1989. — 288 с.
4. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство / В. Ф. Гайдукевич. — М., 1949. — 591 с.
5. *Геродот.* История / Геродот / Пер. Г. А. Стратановского. — Ленинград, 1972. — 600 с.
6. *Назаров В. В.* Культовая жизнь Березани / В. В. Назаров // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. — 2006. — Т. 1. — С. 139–170.

7. *Русяева А. С.* Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации / А. С. Русяева // Обряды и верования древнего населения Украины. — К., 1990. — С. 40–52.
8. *Русяева А. С.* О традициях Милета в культуре Ольвии Понтийской / А. С. Русяева // Боспорские Исследования. — 2010. — Вып. XXIV. — С. 84–114.
9. *Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху / А. С. Русяева. — К., 2005. — 559 с.
10. *Ручинская О. А.* К вопросу о «поощрении» и «порицании» в греческой гражданской общине (по материалам Ольвии эллинского периода) / О. А. Ручинская // LAUREA. — Харьков, 2007. — С. 94–100.
11. *Ручинская О. А.* Религиозные обряды и празднества в общественной жизни античных городов Северного Причерноморья / О. А. Ручинская // Древности — 1994. Харьковский историко-археологический ежегодник. — Харьков, 1994. — С. 73–86.
12. *Страбон.* География / Страбон / Пер. Г. А. Стратановского. — М., 1964. — 957 с.
13. *Budin S.* A reconsideration of the Aphrodite-Ashtart syncretism / S. Budin // Numen. — 2004. — Vol. 51. — P. 96–145.
14. *Latishev B.* Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / B. Latishev. — Ed. 2. — Vol. 1. — Petropolis, 1916. — 614 p.

Bibliography (Transliteration)

1. *Buyskih A. V.* Yuzhnyiy temenos Olvii Pontiyaskoy (predvaritelnyye itogi izucheniya) / A. V. Buyskih // VDI. — 2015. — № 2. — С. 6–21.
2. *Vinogradov Y. G.* Graffiti iz svyatilischa Apollona na Zapadnom temenose Olvii / Y. G. Vinogradov, A. S. Rusyaeva // Hersonesskiy sbornik. — 2001. — № 11. — С. 134–142.
3. *Vinogradov Y. G.* Politicheskaya istoriya Olviyskogo polisa VII–I vv. do n. e. / Y. G. Vinogradov. — М., 1989. — 288 s.

4. *Gaydukevich V. F.* Bosporskoe tsarstvo / V. F. Gaydukevich. — M., 1949. — 591 s.
5. *Gerodot.* Istoriya / Gerodot / Per. G. A. Stratanovskogo. — Leningrad, 1972. — 600 s.
6. *Nazarov V. V.* Kultovaya zhizn Berezani / V. V. Nazarov // Materialy Berezanskoj (Nizhnebugskoy) antichnoy arheologicheskoy ekspeditsii. — 2006. — T. 1. — S. 139–170.
7. *Rusyaeva A. S.* Ideologicheskie predstavleniya drevnih grekov Nizhnego Pobuzhya v period kolonizatsii / A. S. Rusyaeva // Obryady i verovaniya drevnego naseleniya Ukrainyi. — K., 1990. — S. 40–52.
8. *Rusyaeva A. S.* O traditsiyah Mileta v kulture Olvii Pontiy-skoy / A. S. Rusyaeva // Bosporskie Issledovaniya. — 2010. — Vyp. XXIV. — S. 84–114.
9. *Rusyaeva A. S.* Religiya pontiyskih ellinov v antichnuyu epohu / A. S. Rusyaeva. — K., 2005. — 559 s.
10. *Ruchinskaya O. A.* K voprosu o «pooschrenii» i «poritsanii» v grecheskoy grazhdanskoy obschine (po materialam Olvii ellinskogo perioda) / O. A. Ruchinskaya // LAUREA. — Kharkov, 2007. — S. 94–100.
11. *Ruchinskaya O. A.* Religioznyie obryady i prazdnestva v obshchestvennoy zhizni antichnyih gorodov Severnogo Prichernomor'ya / O. A. Ruchinskaya // Drevnosti — 1994. Kharkovskiy istoriko-arheologicheskij ezhegodnik. — Kharkov, 1994. — С. 73–86.
12. *Strabon.* Geografiya / Strabon / Per. G. A. Stratanovskogo. — M., 1964. — 957 s.
13. *Budin S.* A reconsideration of the Aphrodite-Ashtart syncretism / S. Budin // Numen. — 2004. — Vol. 51. — P. 96–145.
14. *Latishev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / B. Latishev. — Ed. 2. — Vol. 1. — Petropolis, 1916. — 614 p.

(Петра, столица Nabateu)

Набатейя в I в. до н. э. — I в. н. э.: между Сциллой и Харибдой?

Походнякова Алёна (V курс)

Походнякова А. С. Nabateya в I в. до н. э. — I в. н. э.: между Сциллой и Харибдой? Стаття посвящена исследованию проблемы влияния менталитета кочевников как социокультурного фактора на историю Nabateyskogo gosudarstva на основании нарративных, эпиграфических и нумизматических источников.

Ключевые слова: набатеи, кочевники, менталитет, социокультурный фактор, эпиграфика, нумизматика.

Походнякова А. С. Nabateya y I ст. до н. е. — I ст. н. е.: між Сциллою та Харибдою? Стаття присвячена дослідженню проблеми впливу менталітету кочовиків як соціокультурного фактора на історію Nabateyskoyi derzhavi на підставі нарративних, епіграфічних та нумізматичних джерел.

Ключові слова: набатеї, кочовики, менталітет, соціокультурний фактор, епіграфіка, нумізматика.

Pokhodnyakova A. Nabataea in I BC – I AD: between Scylla and Charibdis? The article is devoted to the consideration of the problem about influence of nomadic mentality as a sociocultural factor in history of the Nabataean state on the basis of the narrative, epigraphic and numismatic sources.

Key words: the Nabataeans, nomadic mentality, sociocultural factor, epigraphy, numismatics.

Набатейя — древнее арабское государство Передней Азии, основанное набатейскими арабами — семитоязычными кочевыми племенами. Кочевникам характерны специфические черты мышления, тип мировоззрения и ценности, которые являются составными частями их особой социокультурной системы. Ментальность кочевников отличается от мировосприятия оседлого населения в первую очередь тем, что номады не привязаны навсегда к одному месту, что обуславливает их специфическое отношение к свободе. Это повлияло и на историю развития Набатейского государства.

Актуальность изучения менталитета неоспорима ввиду того, что он является фактором построения картины мира и, соответственно, регулятором поведения людей как в древности, так и в современном мире. В настоящее время понятие «менталитет» широко используется в различных отраслях социально-гуманитарного знания, в том числе и в исторической науке, что позволяет обратиться к античности и попытаться определить, каково влияние ментальности кочевников на государственную жизнь на примере истории Набатейи.

Основными источниками для разработки данной проблемы являются свидетельства античных авторов (Диодор [16], Страбон [29], Иосиф Флавий [18], Дион Кассий [11]), а также эпиграфические (корпусы семитских надписей [12; 13; 14]) и нумизматические [8; 19; 20; 22] данные. На основании этих источников, а также с привлечением работ зарубежных

авторов (А. Негев [23; 24; 25], Г. Бауэрсок [9; 10], Дж. Патрич [27], М. Хус [20], Я. Мешорер [22]) в статье предпринята попытка определить, какое влияние оказала ментальность кочевников на историю Набатейского государства. В современной отечественной и зарубежной историографии не существует отдельных работ, посвященных непосредственно менталитету набатеев и его влиянию на историю развития общества.

По свидетельствам античных авторов, основным занятием набатейских арабов на заре их истории было скотоводство и грабежи с последующим обменом товаров [5, р. 157]. Так, Диодор писал, что восточные части Аравии были населены набатейскими арабами, названными набатеями, а страна их являлась безводной пустыней, хотя небольшая часть её всё же плодородна (Diod., 2, 48). Вели эти племена разбойничий образ жизни, нападая на ближайшие территории и грабя их, чему было нелегко противостоять соседним государствам ввиду того, что набатеи выработали эффективную тактику нападения и отступления, они прекрасно знали пустыни и держали в секрете местонахождения источников питьевой воды [27, р. 31]. Страбон также пишет о том, что прежде набатеи жили мирной жизнью, но начали грабить на своих плотах тех, кто плыл из Египта, за что против них был снаряжен флот, который опустошил их страну (Strabo, 16, 4, 18).

В III—II вв. до н. э. значительная часть набатеев перешла к оседлому образу жизни и земледелию. В Негеве (Южная Палестина) археологами были обнаружены несколько сот набатейских земледельческих поселений [21, р. 213]. Ко II в. до н. э. набатеи окончательно осели в районе современной Иордании, а в источниках появляются свидетельства об оформлении у них наследственной царской власти.

Условия, в которых оказались набатейские кочевники в этот период времени, стали причиной их перехода к оседлому образу жизни. Для выживания они были вынуждены защищать свои территории и торговые пути, которые соединяли Индию

со странами Средиземноморья и проходили через набатейскую столицу Петру, легендарный «город в скале». Изначально угрозу представляли государства Селевкидов и Птолемеев, также Иудея, а позднее — Римская империя, укрепившая свое влияние в данном регионе, представляла собой теперь куда более серьезную угрозу, поскольку римляне предпринимали постоянные попытки захвата набатейских территорий.

Во II—I вв. до н. э., исходя из свидетельств Иосифа Флавия, Диодора и других авторов (Diod., 3, 43, 4–5; Jos. Flav., Antt., 13, 13, 3), Набатейя сохраняла независимость и вела сложную внешнюю политику, занимая территории Южной Палестины (Негев), Заиорданье и Хауран [27, р. 24].

Царская власть у набатеев начала складываться в начале II века до н. э. [5, р. 157] В это время на политическую ситуацию на Ближнем Востоке оказывали влияние следующие факторы: после битвы при Магнессии (190 г. до н. э.), где было нанесено решительное поражение Антиоху III, Рим окончательно утвердил за собой право преобладающей силы, а государство Селевкидов еще больше приходило в упадок по причине внутридинастических распрей и роста народных движений. К концу I в. до н. э. набатейское общество обзавелось постоянной армией, укрепило форпосты вдоль караванных путей [26, р. 33].

В I в. до н. э. — I в. н. э. происходят определенные изменения, которые характеризуются становлением у набатеев государственности в собственном смысле этого слова: придание царской власти династического характера, принятие набатейскими правителями титулатуры по эллинистическому образцу, обожествление некоторых царей и т. д. Еще Страбон говорил, что Набатейя «управлялась всегда кем-нибудь из царского рода» (Strabo, 16.4.21). Многочисленные надписи (CIS, II, 182; CIS, II, 349; CIS, II, 442) также свидетельствуют о том, что царская власть обычно передавалась в пределах данного рода по наследству, и, как правило, царь — либо сын, либо брат своего предшественника.

Усиление позиций на внешнеполитической арене, а также укрепление набатейского общества стало возможным в результате образования достаточно сильного государства, которое сложилось на базе истоков кочевого образа жизни, что дало набатеям исключительное умение решать дела с другими кочевниками не только на своих территориях, но и за их пределами. Они понимали, что в пустыне не могло быть никаких четких границ вообще. И для охраны своих городов, полей, садов, для поддержания внутренней торговли набатеи должны были держать под контролем и управлять движением племен далеко в пустынях.

О войнах набатеев с кочевниками, как утверждает американский ученый Г. Бауэрсок, свидетельствует эпиграфический материал, найденный при раскопках на севере Иордании и в Сирии [10, 154]. При этом набатеи сохранили свою кочевую тактику внезапного нападения и быстрого отступления, умели проводить осады городов, они наладили эффективную связь между южными и восточными пустынями [5, р. 157; 30, р. 15, 144, 160].

Страбон отмечает в своих трудах некоторые черты, характерные набатеям, в особенности — свободолюбие (Strabo, 16, 4, 26). Диодор восхищался прекрасным государственным устройством Nabatei. А описывая Петру, он говорил, что в ней находилось множество римлян и других чужестранцев, при этом в судах тяжбы велись среди иностранцев, поскольку набатеи были «настолько миролюбивыми людьми, что крайне редко вовлекались в судебные процессы, вероятно потому, что верили друг другу на слово, подобно китайским купцам» (Diod., 2, 49–48).

Набатеи, занимаясь масштабной посреднической торговлей, имели широкие внешние контакты с иными государствами. Особенно сильное влияние оказывала Римская империя, а это, в свою очередь, приводило к заимствованию набатеями элементов римской культуры. Однако своя традиционная культура ими тщательно оберегалась, вместе с тем развива-

лась не путем слепого подражания, а переработкой и адаптацией полезных элементов.

Анализ нумизматического материала позволяет сделать вывод о немалом влиянии эллинистической и римской культуры на набатейское общество. Nabатейские правители до 62 г. до н. э. чеканили так называемые «протонабатейские» монеты с греческими легендами, подражая монетам Александра Великого, Птолемеев и Селевкидов. Первые монеты были бронзовыми, грубо обработанными и имитировали монеты Александра Великого. На аверсе изображалась голова Афины в коринфском шлеме, на реверсе — Ника, греческая богиня победы в венке. На некоторых из этих монет изображается также греческая буква «А», на других вместо головы Афины изображена голова набатейского царя с бородой [20, р. 197–199].

Арета III (87(4)–62 гг. до н. э.), при котором Дамаск входил в состав Nabатей (84–71 гг. до н. э.), чеканил там серебряные и бронзовые монеты по местному образцу с греческими легендами [8, р. 99]. На этих монетах была дана титулатура: «Царь Арета Филэллин», на аверсе изображалась голова Ареты в венце, на реверсе — Тюхе, держащая венок.

При Ободате II (62–60 гг. до н. э.) появляются первые образцы с непосредственно набатейскими легендами. Это были серебряные драхмы, на аверсе которых было характерное изображение головы набатейского царя с бородой и длинными волосами [31, р. 97]. На реверсе был изображен орел, что являлось подражанием птолемеевским и финикийским серебряным монетам, также присутствовала надпись «Ободата, царя Nabатей» и год чеканки [22, р. 21].

Вероятно, проникновение эллинизма (скорее сирийского, чем египетского толка) в Петру можно связать именно с Аретой III Филэллином, титул которого «ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΡΕΤΟΥ ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ» переводится как «Любящий эллинов» (надпись на монетах того времени) [19, р. 686]. Можно утверждать, что проникновение эллинизма в Аравию — процесс

неоспоримо длительный, и начался он во время правления Ободата, а приобрел определенную силу при Арете III.

Арета IV чеканил большое количество серебряных и бронзовых монет, которые сопровождалась его титулатурой: «Арета, царь Набатеи, тот, кто возлюбил свой народ» или «друг народа» [22, р. 21; 19, р. 686]. Это подтверждают и эпиграфические источники (CIS, II, 199; CIS, II, 201; CIS, II, 254). Возможно, это было свидетельством изменений, которым подвергся политический строй Набатеи, поскольку титул Ареты указывает на то, что теперь монарх устанавливает отношение «дружбы» со своим народом. Это же соответствует эллинистическому титулу «друг народа» или «любящий народ». В эллинистической Сирии «друзья царя» — это царские придворные высокого ранга, зависимые от правителя. Это своего рода клиентелы, по эллинистическо-сирийским представлениям, и таким образом Арета ставил набатеев в непосредственную зависимость от себя.

Причины чеканки по греческим образцам могут быть различны. Не исключено, что после перехода к оседлой жизни и активного развития культуры набатейские правители желали подчеркнуть свою обретенную «цивилизованность» путем подражания эллинистическим и римским культурным обычаям. В основном эти заимствования были внешними. К примеру, набатейские юридические документы составлялись традиционно на арамейском языке, лишь часть переводились на греческий [15, р. 154].

Римляне не могли полностью подчинить Набатейское государство, несмотря на частые попытки, предпринимаемые с середины I в. до н. э. Примером похода на Набатею была экспедиция первого римского проконсула Сирии Марка Скавра (Arrian, *Syrica*, 51). Он отправился к аравийской Петре, но из-за тяжелых климатических условий не смог её взять (Jos. Flav., *Bell. Jud.*, 1, 8, 1; Jos. Flav., *Antt.*, 14, 4, 1). Поняв, что город не взять, Скавр отправил Антипатра II Идумеянина в качестве посла к царю Арете, который договорился за выкуп в сумме трехсот талантов прекратить войну (Jos. Flav., *Antt.*, 14, 4, 1).

Таким образом, Скавр заставил Арету III признать римское верховенство [23, р. 356]. В 58 г. до н. э. Скавр вернулся в Рим и выпустил денарии, где был изображен Арета рядом со своим верблюдом, простирающий руки к победителю [4, с. 32]. Это свидетельствует о несомненной важности подчинения Набатей Риму [2, с. 427]. Однако, с приходом к власти нового арабского царя Малику I около 56 г. до н. э., Набатейское государство, по-видимому, отказалось признавать господство Рима. Вероятно, это стало причиной похода на набатеев преемника Скавра, Авла Габиния в 55 г. до н. э. (Jos. Flav., Antt., 14, 6, 4) [27, р. 25].

В 106 г. н. э. императору Траяну удалось аннексировать Набатей, которая вошла в состав Римской империи под названием «Римская провинция Аравия», в то время как Дамаск отошел к Сирии, а от всех владений царя набатеев во внутренней части Аравии римляне отказались [3, с. 225; 2, с. 428; 4, с. 23; 23, р. 356; 27, р. 33; 30, р. 87].

По несколько размытым указаниям Диона Кассия (Cass. Dio, 68, 14, 5) возможно выдвинуть предположение, что арабы оказали римлянам сопротивление. О том же свидетельствует и указание Аммиана Марцеллина: «Сделать эту страну [Аравию] провинцией, дать ей правителя и тем заставить повиноваться нашим законам — было делом императора Траяна, которому пришлось не раз укрощать буйный дух местных жителей, когда он вел славную войну с парфянами» (Amm. Marc., 14, 8, 13). К тому же, сам характер набатейской области, поведение её жителей в прошлом говорят о том, что арабские цари пользовались известной самостоятельностью.

Спустя столетие набатейские арабы, в прошлом кочевники, покинули свои некогда процветающие города и ушли в пустыни, после чего в античной нарративной традиции упоминаний о них не встречается. Таким образом, опыт создания государства с целью защиты и контроля над торговыми путями оказался успешным. Однако свободолюбие, характерное кочевникам, сделало невозможным существование Набатей в формате римской провинции.

Литература

1. *Левек П.* Эллинистический мир / Пер. с фр. / П. Левек. — М., 1989. — 252 с.
2. *Моммзен Т.* История Рима: в 5 т. / Пер. с нем. / Т. Моммзен. — М., 1949. — Т. 5. — 632 с.
3. *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация / Пер. с англ. / В. Тарн. — М., 1945. — 372 с.
4. *Шифман И. Ш.* Nabateйское государство и его культура. Из истории доисламской Аравии / И. Ш. Шифман. — СПб., 2007. — 208 с.
5. *Al-Bashaireh K. S.* Chronology and Technological Production Styles of Nabatean and Roman Plasters and Mortars at Petra (Jordan) / K. S. Al-Bashaireh. — Tucson, 2008. — 498 p.
6. *Ammianus Marcellinus.* Roman History: in 3 vol. / Trans. by John C. Rolfe / Ammianus Marcellinus. — Camb., 1989. — Vol. 1 — 632 p.
7. *Appianus.* Roman history of Appian of Alexandria: in 2 vol. / Trans. by Horace White / Appianus. — L., N.-Y., 1899. — Vol. 2 — 614 p.
8. *Barkay R.* Seven New Silver Coins of Malichus I and Obodas III / Rachel Barkay // Numismatic Chronicle. — 2006. — Vol. 166. — P. 99–103.
9. *Bowersock G. W.* A Report on Arabia Provincia / G. W. Bowersock // The Journal of Roman Studies. — 1971. — Vol. 61. — P. 219–242.
10. *Bowersock G. W.* Roman Arabia / G. W. Bowersock. — Camb., 1994. — 224 p.
11. *Cassius Dio.* Roman History: in 9 vol. / Trans. by Earnest Cary / Cassius Dio. — Camb., 1917. — Vol. V. — 597 p.; Vol. VI. — 603 p.
12. *Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars I: Inscriptiones Phoenicias continens. Tomus 2.1* / Académie des Inscriptions et belles lettres. — Paris, 1890. — 130 p.
13. *Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars II: Inscriptiones aramaicas continens. Tomus 1* / Académie des Inscriptions et belles lettres. — Paris, 1889. — 325 p.

14. *Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars II: Inscriptiones aramaicas continens. Tomus 2 / Académie des Inscriptions et belles lettres. – Paris, 1907. – 270 p.*
15. *Cotton H. M. Continuity of Nabataean law in the Petra papyri: a methodological exercise / Hannah M. Cotton // From Hellenism to Islam: Cultural and Linguistic Change in the Roman Near East. – Camb., 2009. – P. 154–174.*
16. *Diodorus Siculus. The Library of History: in 12 vol. / Trans. from Greek / Diodorus Siculus. – Camb., 1933. – Vol. 10. – 480 p.*
17. *Evenari M. The Negev: The Challenge of a Desert / M. Evenari. – Camb., 1982. – 437 p.*
18. *Flavius Josephus. The Works of Flavius Josephus / Trans. by William Whiston, A. M. / Flavius Josephus. – L.; N.-Y., 1895. – 778 p.*
19. *Head B. V. Historia Numorum: A Manual Of Greek Numismatics / Barclay V. Head. – Oxford, 1887. – 809 p.*
20. *Huth M. Coinage of the Caravan Kingdoms: Studies in Ancient Arabian Monetization / Martin Huth, Peter Gerritt Van Alfen. – N.-Y., 2010. – 602 p.*
21. *Glueck N. Rivers in the Desert: A History of the Negev / Nelson Glueck. – N.-Y., 1959. – 302 p.*
22. *Meshore Y. Nabataean Coinage / Y. Meshorer // The Nabateans in Negev. – 2003. – P. 21–22.*
23. *Negev A. Archaeological Encyclopedia of the Holy Land / A. Negev, S. Gibson. – N.-Y., 2005. – 559 p.*
24. *Negev A. Obodas the God in a Nabatean-Arabic Inscription from the Vicinity of Oboda and a Review of Other Nabatean Inscriptions / A. Negev // The Nabateans in the Negev. – 2003. – P. 17–20.*
25. *Negev A. The Nabateans and the Provincia Arabia / Avraham Negev // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / hrsg. von Hildegard Temporini und Wolfgang Haase. – Berlin, N.-Y., 1978. – 939 p.*
26. *Nicolle D. Rome's Enemies (5): The Desert Frontier / David Nicolle. – Oxford, 1991.*

27. *Patrich J.* The Formation of Nabataean Art: Prohibition of a Graven Image Among the Nabataeans / J. Patrich. — Jerusalem, 1990. — 48 p.
28. *Stephanus Byzantinus.* Stephani Byzantii Ethniconum quae supersunt / Stephanus Byzantinus. — Michigan, 1849. — 817 p.
29. *Strabo.* The Geography of Strabo: in 3 vol. / Trans. by H. C. Hamilton & W. Falconer / Strabo. — L., 1854–1857. — Vol. 3 — 422 p.
30. *Winnett F. V.* Ancient records from North Arabia / F. V. Winnett, W. LaForest-Reed. — Toronto, 1970. — 243 p.
31. *Young G. K.* Rome's Eastern Trade: International Commerce and Imperial Policy 31 B.C. — A.D. 305 / G. K. Young. — L., 2003. — 320 p.

Bibliography (Transliteration)

1. *Levek P.* Jellinisticheskij mir / Per. s fr. / P. Levek. — M., 1989. — 252 s.
2. *Mommzen T.* Istorija Rima: v 5 t. / Per. s nem. / T. Mommzen. — M., 1949. — T. 5. — 632 s.
3. *Tarn V.* Jellinisticheskaja civilizacija / Per. s angl. / V. Tarn. — M., 1945. — 372 s.
4. *Shifman I. Sh.* Nabatejskoe gosudarstvo i ego kul'tura. Iz istorii doislamskoj Aravii / I. Sh. Shifman. — SPb., 2007. — 208 s.
5. *Al-Bashaireh K. S.* Chronology and Technological Production Styles of Nabatean and Roman Plasters and Mortars at Petra (Jordan) / K. S. Al-Bashaireh. — Tucson, 2008. — 498 p.
6. *Ammianus Marcellinus.* Roman History: in 3 vol. / Trans. by John C. Rolfe / Ammianus Marcellinus. — Camb., 1989. — Vol. 1 — 632 p.
7. *Appianus.* Roman history of Appian of Alexandria: in 2 vol. / Trans. by Horace White / Appianus. — L., N.-Y., 1899. — Vol. 2 — 614 p.
8. *Barkay R.* Seven New Silver Coins of Malichus I and Obodas III / Rachel Barkay // Numismatic Chronicle. — 2006. — Vol. 166. — P. 99–103.

9. *Bowersock G. W.* A Report on Arabia Provincia / G. W. Bowersock // *The Journal of Roman Studies*. — 1971. — Vol. 61. — P. 219–242.
10. *Bowersock G. W.* Roman Arabia / G. W. Bowersock. — Camb., 1994. — 224 p.
11. *Cassius Dio*. Roman History: in 9 vol. / Trans. by Earnest Cary / Cassius Dio. — Camb., 1917. — Vol. V. — 597 p.; Vol. VI. — 603 p.
12. *Corpus Inscriptionum Semiticarum*. Pars I: Inscriptiones Phoenicias continens. Tomus 2.1 / Académie des Inscriptions et belles lettres. — Paris, 1890. — 130 p.
13. *Corpus Inscriptionum Semiticarum*. Pars II: Inscriptiones aramaicas continens. Tomus 1 / Académie des Inscriptions et belles lettres. — Paris, 1889. — 325 p.
14. *Corpus Inscriptionum Semiticarum*. Pars II: Inscriptiones aramaicas continens. Tomus 2 / Académie des Inscriptions et belles lettres. — Paris, 1907. — 270 p.
15. *Cotton H. M.* Continuity of Nabataean law in the Petra papyri: a methodological exercise / Hannah M. Cotton // *From Hellenism to Islam: Cultural and Linguistic Change in the Roman Near East*. — Camb., 2009. — P. 154–174.
16. *Diodorus Siculus*. The Library of History: in 12 vol. / Trans. from Greek / Diodorus Siculus. — Camb., 1933. — Vol. 10. — 480 p.
17. *Evenari M.* The Negev: The Challenge of a Desert / M. Evenari. — Camb., 1982. — 437 p.
18. *Flavius Josephus*. The Works of Flavius Josephus / Trans. by William Whiston, A. M. / Flavius Josephus. — L.; N.-Y., 1895. — 778 p.
19. *Head B. V.* *Historia Numorum: A Manual Of Greek Numismatics* / Barclay V. Head. — Oxford, 1887. — 809 p.
20. *Huth M.* Coinage of the Caravan Kingdoms: Studies in Ancient Arabian Monetization / Martin Huth, Peter Gerritt Van Alfen. — N.-Y., 2010. — 602 p.
21. *Glueck N.* Rivers in the Desert: A History of the Negev / Nelson Glueck. — N.-Y., 1959. — 302 p.
22. *Meshorer Y.* Nabataean Coinage / Y. Meshorer // *The Nabateans in Negev*. — 2003. — P. 21–22.

23. *Negev A.* Archaeological Encyclopedia of the Holy Land / A. Negev, S. Gibson. — N.-Y., 2005. — 559 p.
24. *Negev A.* Obodas the God in a Nabatean-Arabic Inscription from the Vicinity of Oboda and a Review of Other Nabatean Inscriptions / A. Negev // *The Nabateans in the Negev.* — 2003. — P. 17–20.
25. *Negev A.* The Nabateans and the Provincia Arabia / Avraham Negev // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung* / hrsg. von Hildegard Temporini und Wolfgang Haase. — Berlin, N.-Y., 1978. — 939 p.
26. *Nicolle D.* Rome's Enemies (5): The Desert Frontier / David Nicolle. — Oxford, 1991.
27. *Patrich J.* The Formation of Nabataean Art: Prohibition of a Graven Image Among the Nabataeans / J. Patrich. — Jerusalem, 1990. — 48 p.
28. *Stephanus Byzantinus.* Stephani Byzantii Ethnicorum quae supersunt / Stephanus Byzantinus. — Michigan, 1849. — 817 p.
29. *Strabo.* The Geography of Strabo: in 3 vol. / Trans. by H. C. Hamilton & W. Falconer / Strabo. — L., 1854–1857. — Vol. 3 — 422 p.
30. *Winnett F. V.* Ancient records from North Arabia / F. V. Winnett, W. LaForest-Reed. — Toronto, 1970. — 243 p.
31. *Young G. K.* Rome's Eastern Trade: International Commerce and Imperial Policy 31 B.C. — A.D. 305 / G. K. Young. — L., 2003. — 320 p.

(Рубенс. Видение императору Константину)

До питання про самоідентифікацію мешканця Західної Римської імперії

Сметана Віталій (IV курс)

Сметана В. Н. К вопросу о самоидентификации жителей Западной Римской империи. Рассматривается вопрос самоидентификации жителя Западной Римской империи, его отношение к жителю Восточной империи. Делается попытка найти ментальные особенности у римлян двух разных частей империи, понять, были ли идентичные особенности, когда и какие были изменения в понимании римлян. Ключевой вопрос — как позиционировали себя римляне после распада Империи на две части в 395 г., Они видели себя частью отдельного государства или той единой Римской империи?

Ключевые слова: самоидентификация, римляне, Римская империя.

Сметана В. М. До питання про самоідентифікацію мешканця Західної Римської імперії. Розглядається питання самоідентифікації мешканця Західної Римської імперії, його відношення до мешканця Східної імперії. Робиться спроба віднайти ментальні особливості в римлян двох різних частин імперії, зрозуміти, чи були ідентичні особливості, коли та які були зміни в розумінні римлян. Ключове питання — як позиціонували себе римляни після розпаду Імперії на дві частини в 395 р., вони вбачали себе частиною окремої держави чи тієї єдиної Римської імперії?

Ключові слова: самоідентифікація, римляни, Римська імперія.

Smetana V. N. To the Question of the Self-identification of the Inhabitant of the Western Roman Empire. Considering the question of the self-identification of the inhabitant of the Western Roman Empire and his attitude to the inhabitant of the Eastern Roman Empire. I am trying to find out mental features of Romans in two different parts of Empire, and trying to understand if there were identical features and when and why the differences get into Romans mind. The key question is how Romans possessed themselves after the collapse of the Empire into two parts in 395 AD. Did they consider themselves as the part of the separate state or the part of the unite Roman Empire?

Key words: identification, Romans, Roman Empire.

В 395 році помер Феодосій I — правитель Римської імперії, після цього імперія була поділена між його синами. Західна частина відійшла Гонорію (Італія, Африка, Галлія, Іспанія, Британія, Норик, Паннонія та Далмація), а східна Аркадію (Дакія, Македонія, Греція, Фракія, Мала Азія, Сирія та Єгипет). Таким чином, жителі раніше єдиної Римської імперії опинились в двох різних державах, зі своїми особливостями та проблемами. Та постає питання — як позиціонували себе римляни після розколу Імперії на дві частини в 395 році, вони вбачали себе частиною окремої держави, чи тієї єдиної Римської імперії, як і раніше?

Дане питання дозволяє ширше поглянути на ситуацію в Західній Римській імперії. Можна прослідкувати ставлення

мешканця імперії до сусідньої Східної імперії. Питання самоідентифікації відобразилось і на політичних відносинах двох держав та вплинуло на міжнародну політику. Також питання самоідентифікації дозволяє прослідкувати те, чи могла втілитись велика ідея східних імператорів — знову об'єднати всю територію Римської імперії.

Джерельну базу дослідження складають праці Аполлінарія Сідонія [10], Марія Аваншського [2], Прокопія Кесарійського [5], Марка Тулія Цицерона [9].

Історіографія представлена працями А. В. Махлаюка [3; 4], Ю. Б. Циркіна [7; 8], В. В. Демент'євої [1]; із зарубіжних науковців — Ж. П. Арнасона [11], А. Д. Мамігліано [14], Ж. Лендона [12].

Мета роботи: зрозуміти, наскільки мешканці Західної Римської імперії відчували себе близькими зі Східною імперією та як дана ідентичність вплинула на відносини двох даних держав, та в цілому на політику в цьому регіоні.

Питання ідентичності римлянина постало, ще до поділу імперії на дві частини. Римляни, по-перше, мали певну провінційну ідентичність та вона не була досить значною у їхньому розумінні. Римляни не позиціонували себе зі своєю провінцією так близько, як із імперією в цілому. В них не було такої прив'язаності до малої батьківщини, як то в стародавніх греків. Цицерон зазначає, що у римських громадян з муніципій є дві батьківщини: одна по народженню, інша за громадянством (*unam naturae, alteram civitatis*), одна за місцевістю й інша по праву (*alteram loci patriam, alteram iuris*) [3, с. 288]. Але безумовний пріоритет він віддає другій: «за відчуттям прив'язаності, яке вона в нас викликає, повинна стояти на першому місці та батьківщина, завдяки якій назва «держава» охоплює всю нашу громаду. За неї ми повинні бути готовими померти, їй повністю себе віддати, в неї вкласти і їй присвятити всі свої достоїнності» [9, III, с. 24]. Також, яскравим проявом патріотизму, що є невід'ємною складовою римської ідентичності, є такі його слова — «з усіх

громадянських зв'язків для кожного з нас найбільш важливі, найбільш дорогі наші зв'язки з державою. Дорогі нам батьки, дорогі діти, родичі, близькі, друзі, але батьківщина одна охопила всю прихильність людей. Яка чесна людина не захоче піти за неї на смерть, якщо вона цим принесе їй користь?» [9, III, с. 25].

Спочатку потрібно розібратися з особливістю римської ідентичності в цілому, в період імперії, щоб зрозуміти, що могло відрізнити представника Західної імперії від Східної.

Римська ідентичність — це самоідентифікація громадян римської *civitas* (перш за все, колективна, але виражалася також і як особиста) в якості громадян, як членів певної громади. Римська ідентичність — це, по-перше, в своїй початковій формі — один із проявів ментальності в найширшому розумінні цього слова, в тому сенсі, який відображений, наприклад, в роботах А. В. Махлаюка (мовні і розумові звички, неартикульовані установки свідомості) [4, с. 88–90]. По-друге ж, римська ідентичність — це цілком чітко артикульовані, чітко і ясно сформульовані вимоги до особистісних якостей громадянина і його поведінки [1, с. 203–204].

Усвідомлення себе громадянами Риму базувалося, в першу чергу, на підтримці традицій і звичаїв предків (*mores maiorum*). Знаків, «кодуєчих спільноту» римських громадян було в цілому досить багато (і повір'я, і публічні простори, і сакральна топографія, і багато іншого), але *mores* — безумовно, центральний з них [1, с. 204].

На римську ідентичність сильно впливало минуле Римської імперії. Римлянин відчував гордість за військові здобутки свого народу, своєї цивілізації. Жителі Римської імперії не були представниками одного народу, та вони відносили себе до одного цілого. Культура латинів стала культурою римлян. Єдиною, також, була мова, а саме вона в ту епоху була головним ідентифікатором.

Та римське громадянство було в першу чергу правовим статусом. Римляни — це скоріше не народ, а назва представ-

ника імперії, це об'єднання сформоване на основі політичної єдності, тобто це скоріше політичне об'єднання, а не етнічне. Та римляни мали свою ідентичність, та були певним праобразом нації. Невід'ємною складовою римської ідентичності був, також, патріотизм, як невід'ємна складова віднесення жителя саме до даної спільноти [3, с. 293].

Основою римської культури, як вже вказувалось, була латинська культура, в межах якої і формувалось римське суспільство. Та так було лише в період республіки, а от в часи імперії невід'ємною частиною римської культури стала спадщина грецької культури. Тому характерною особливістю Римської імперії в період її розквіту був греко-римський культурний синтез, свого роду «цивілізаційний дуалізм», який проявлявся в подвійній греко-римській культурній ідентичності [11, р. 149]. Сам процес формування і укріплення римської держави, з хронологічної точки зору, йшов паралельно з еллінізацією Риму (перш за все його еліти), який почався ще в III ст. до н. е. При цьому римляни не просто імпортували і адаптували грецьку культуру, вони поміщали себе в її традицію [3, с. 293]. Як пише А. Момільяно, «римляни завжди судили про самих себе з оглядкою на греків» [14, р. 54].

Таким чином, всі хто називали себе римлянами (ромеями) мали свої загальні риси (свою ідентичність), навіть деякі спільні ментальні особливості. Було присутнє прив'язання себе до Риму, як єдиного непорушного центру, і не тільки політичного, а й духовного. Та все ж, з розподілом імперії на дві частини, з'явилися і свої окремі особливості.

Як вже вказувалось, мешканці імперії прив'язували себе до єдиного загального центру, вічного міста — до Риму. Та з часом, в період імперії, поставав новий, знову ж таки, як політичний, так і духовний центр — Константинополь. Плани створити це місто духовним центром вдалися. Хоч це було зроблено штучно, та Константинополь справді став центром східних ромеїв. А новий центр неодмінно створює нові ідентичні особливості, з'являються нові розуміння. Концентрування людей

відбувається навколо того центру, який ближче до них, в цьому питанні географічний фактор грає свою важливу роль.

В Константинополі формуються свої ментальні відмінності. Головним чином — це більший вплив еллінської культури. По-суті, його тоді і сприймали як грецький центр. Отже, з поділом на дві частини в кожній з них сформувалися свої центри, «півноцінні столиці», які виступали об'єднуючими факторами двох різних частин Імперії.

Виходячи з цього, можна виділити ще один важливий відмінний фактор — це вплив еллінського. Вище зазначалось, що еллінська культура виступала, як загальна риса для імперського періоду Римської держави, це було особливістю даної епохи. Разом з тим грецька культура в певній мірі виступала об'єднуючим фактором. Та разом з протиставленням Рим — Константинополь, виступало протиставлення латини (римляни) — греки. В джерелах можна неодноразово зустріти цю відмінність, розуміння окремішності римлян Західної та Східної імперії. Римляни Західної імперії навіть з певною неприязню ставились до мешканців Східної імперії, вони вважали себе істинними римлянами. Яскравим прикладом цього, є те, як відносились римляни Західної імперії до призначення імператором східного ставленика Флавія Прокопія Антемія в 467 році. Точніше, після його невдач у війні з вандалами. У джерелах фігурує назва «грецький імператор» або ж взагалі «гречонок» [10, 5]. Ці назви мали контекст неприязні, Антемія сприймали як представника чогось іншого, окремої культури [15, р. 126–127]. У формулюванні «свій — чужий» він був чужим. Антемії сприймався як представник східних ромейів, носіїв грецької культури [7, с. 232]. Даний контекст використовувала опозиція влади Антемія [10], типу борючись за збереження римського, а якщо опозиція фігурувала такими речами, то відповідно у суспільстві дійсно Східна імперія сприймалась чимось чужим, до того ж зі своїми культурними особливостями. Тобто в певній мірі, для жителів Західної імперії це були не римляни. До правління Антемія якісь факти

окремішності римлян відсутні та неодмінно такі розуміння формувалися поступово.

Отже, як тільки з'явився новий духовний центр, тобто Константинополь, почали з'являтися нові особливості розуміння. Тому ідентифікаційні особливості римлян Західної і Східної імперій визрівали поступово. Та розуміння відмінності сформувалося лише десь за два десятиліття до падіння Західної Римської імперії, до цього мешканці Східної імперії сприймалися як свої, лише з певними відмінними рисами. Звісно ж, розуміння відмінності між Римом та завойованою Грецією, як і між іншими частинами Імперії, завжди були, та всі вони позиціонували себе з римським, чимось єдиним, в певному розумінні. Та після появи двох окремих центрів та після поділу Імперії єдність дещо стирається. Та не зникає. Римська традиція продовжує жити, і навіть, ще довго після 476 року. Як і в Італії, так і на Балканах жителі вважали себе римлянами (ромеями), це було закладено в їхньому розумінні. Підтвердженням цього є те, що східні імператори ще довго намагалися об'єднати західну та східну частини імперії та знову захопити Рим.

Тому, як висновок, можна сказати, що мешканці обох частин Римської імперії (головним чином в Італії та на Балканах) ідентифікували себе римлянами, як представників єдиного імперського простору. Та існували певні особливості, яких інколи не сприймали мешканці Апенінського півострова, в першу чергу — це етнічні відмінності та культурні особливості. На формування ідентичності вплинула, також, і політична подія 395 року. Поділ Імперії пришвидшив формування певної окремішності в її західній та східній частинах. Та довга спільна історія, спільний культурний розвиток закарбували в розумінні мешканців Західної та Східної імперій, що всі вони римляни. Хоч це більше й політична ідентичність, та все ж, існувала певна ментальність, яка збереглася і в поділеній Римській імперії. В даному питанні є ще над чим працювати, можливо розбір якихось подій допоможе краще зрозуміти мешканця Західної Римської імперії.

Література

1. *Дементьева В. В.* Римская идентичность: формирование традиций гражданского коллектива / В. В. Дементьева // *Античный мир и археология*. — Саратов, 2009. — С. 203–213.
2. *Марий Авантиский.* Хроника / Марий // Пер. В. В. Андерсена. — СПб., 2010. — С. 96–110.
3. *Махлаюк А. В.* Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху Империи / А. В. Махлаюк // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. — 2014. — № 1. — С. 288–299.
4. *Махлаюк А. В.* Идеи и подходы исторической антропологии в изучении римской армии / А. В. Махлаюк // *Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура*. — М., 2005. — С. 83–113.
5. *Прокопий Кесарийский.* Война с вандалами / Прокопий // Пер. Н. Н. Чекаловой. — М., 1993. — 570 с.
6. *Хизер П.* Падение Римской империи / Пер. с англ. / П. Хизер. — М., 2011. — 795 с.
7. *Циркин Ю. Б.* Антемий и Рицимер / Ю. Б. Циркин // *МНЕМОН*. — 2012. — № 11. — С. 231–248.
8. *Циркин Ю. Б.* Начало конца Западной Римской империи / Ю. Б. Циркин // *МНЕМОН*. — 2014. — № 14. — С. 231–252.
9. *Цицерон Туллий М.* Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / Пер. с лат. В. О. Горенштейна / М. Туллий Цицерон — М., 1951. — Т. 3 — 826 с.
10. *Apollinaris Sidonius.* Poetrys [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://remacle.org/bloodwolf/historiens/sidoine/poesies5.htm>. Доступ — 12.04.2016 г.
11. *Arnason J. P.* The Roman Phenomenon: State, Empire, and Civilization / J. P. Arnason. — Chichester, 2011. — 179 p.
12. *Lendon J. E.* Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World / J. E. Lendon. — Oxford, 1997. — 320 p.
13. *Mattingly D.* Imperialism, Power, and Identity: Experiencing the Roman Empire / D. Mattingly. — The Short Oxford History of Europe. — Oxford, 2011. — P. 234–264.

14. *Momigliano A. D.* The Classical Foundations of Modern Historiography / A. D. Momigliano. — Los Angeles, 1991. — 107 p.
15. *O'Flynn J. M.* Generalissimos of the western Roman empire / M. J. O'Flynn. — Edmonton, 1983. — 248 p.
16. *Raaflaub K.* Zwischen Adel und Volk. Freiheit als Sinnkonzept in Griechenland und Rom / K. Raaflaub. — Mainz, 2003. — 242 S.
17. *Revell L.* Roman Imperialism and Local Identities / L. Revell. — Cambridge, 2008. — 221 p.
18. *Swain S.* Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World / S. Swain. — Oxford, 1996. — 145 p.

Bibliographi (Transliteration)

1. *Dementeva V. V.* Rimskaya identichnost: formirovanie traditsiy grazhdanskogo kolektiva / V. V. Dementeva // Antichnyiy mir i arheologiya. — Saratov, 2009. — S. 203–213.
2. *Mariy Avanshskiy.* Hronika / Mariy // Per. V. V. Andersena. — SPb., 2010. — S. 96–110.
3. *Mahlayuk A. V.* Rimskiy patriotizm i kulturnaya identichnost v epohu Imperii / A. V. Mahlayuk // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. — 2014. — № 1. — S. 288–299.
4. *Mahlayuk A. V.* Idei i podhody istoricheskoy antropologii v izuchenii rimskoy armii / A. V. Mahlayuk // Drevnee Sredizemnomore: religiya, obschestvo, kultura. — M., 2005. — S. 83–113.
5. *Prokopy Kesariyskiy.* Voyna s vandalami / Prokopy // Per. N. N. Chekalovoy. — M., 1993. — 570 s.
6. *Hizer P.* Padenie Rimskoy imperii / Per. s angl. / P. Hizer. — M., 2011. — 795 s.
7. *Tsirkin Yu. B.* Antemiy i Ritsimer / Yu. B. Tsirkin // MNEMON. — 2012. — № 11. — S. 231–248.
8. *Tsirkin Yu. B.* Nachalo kontsa Zapadnoy Rimskoy imperii / Yu. B. Tsirkin // MNEMON. — 2014. — № 14. — S. 231–252.
9. *Tsitseron Tulliy M.* Pisma Marka Tulliya Tsitserona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu / Per. s lat. V. O. Gorenshteyna / M. Tulliy Tsitseron — M., 1951. — T. 3 — 826 s.

10. *Apollinaris Sidonius*. Poetrus [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://remacle.org/bloodwolf/historiens/sidoine/poetsies5.htm>. Доступ — 12.04.2016 п.
11. *Arnason J. P.* The Roman Phenomenon: State, Empire, and Civilization / J. P. Arnason. — Chichester, 2011. — 179 p.
12. *Lendon J. E.* Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World / J. E. Lendon. — Oxford, 1997. — 320 p.
13. *Mattingly D.* Imperialism, Power, and Identity: Experiencing the Roman Empire / D. Mattingly. — The Short Oxford History of Europe. — Oxford, 2011. — P. 234–264.
14. *Momigliano A. D.* The Classical Foundations of Modern Historiography / A. D. Mamigliano. — Los Angeles, 1991. — 107 p.
15. *O'Flynn J. M.* Generalissimos of the western Roman empire / M. J. O'Flynn. — Edmonton, 1983. — 248 p.
16. *Raaflaub K.* Zwischen Adel und Volk. Freiheit als Sinnkonzept in Griechenland und Rom / K. Raaflaub. — Mainz, 2003. — 242 S.

(Император Мануил II и его семья)

Византийская интеллектуальная среда в контексте внешней политики Мануила II Палеолога

Бадло Алёна (IV курс)

Бадло А. С. Византийская интеллектуальная среда в контексте внешней политики Мануила II Палеолога. В контексте внешней политики Мануила II Палеолога рассматривается византийская интеллектуальная среда и ее роль при императорском дворе. Проанализирована система функционирования взаимосвязи императора, византийских интеллектуалов и бюрократического аппарата империи во второй половине XIV — первой четверти XV вв. Исследован интерес и восприятие интеллектуальной элиты к проблемам внешней политики Византии, а также решению этих проблем.

Ключевые слова: византийская интеллектуальная среда, внешняя политика, василевс, Мануил II Палеолог.

Бадло А. С. Візантійське інтелектуальне середовище у контексті зовнішньої політики Мануїла II Палеолога. У контексті зовнішньополітичного курсу Мануїла II Палеолога розглядається візантійське інтелектуальне середовище та його роль при імператорському дворі. Проаналізована система функціонування взаємозв'язку імператора, візантійських інтелектуалів та бюрократичного апарату держави у другій половині XIV — першій чверті XV ст. Досліджено інтерес та сприйняття освіченим прошарком суспільства проблем зовнішньої політики Візантії, а також вирішення цих проблем.

Ключові слова: візантійське інтелектуальне середовище, зовнішня політика, василевс, Мануїл II Палеолог.

Badlo A. S. The Byzantine Intellectual Milieu in the Context of the Foreign Policy of Manuel II Paleologus. Byzantine intellectual milieu and its role in the imperial court considered in the context of the foreign policy of Manuel II Paleologus. Analyzed the system of functioning relationship of the emperor, Byzantine intellectuals and the bureaucratic machine of the empire in the second half of XIV — first quarter of the XV century. Studied interest and perception of the intellectual elite to the problems of the foreign policy of the Byzantine Empire, as well as solutions to these problems.

Key words: Byzantine intellectual milieu, the foreign policy, basileus, Manuel II Paleologus.

Вторая половина XIV — первая четверть XV вв. в истории Византии отличается нестабильностью и особым напряжением во внешне- и внутривосточной сфере деятельности государства. Византийскую империю по своим характеристикам уже сложно назвать империей, от ее былого могущества мало, что осталось. Римская держава утратила значительные территориальные владения, и со временем они лишь продолжали сокращаться.

Стоит отметить, что вторая половина XIV в. — это время наибольшей внешнеполитической активности османских туруков на Балканском полуострове, учитывая, что к концу XIV в.

они уже успели подчинить своей власти территории вокруг столицы империи. Захватническая политика Порты ставила под сомнение дальнейшее существование и развитие самой Византии. Наряду с внешнеполитическим кризисом постепенно шел процесс наращивания кризисной ситуации внутри столицы, и теперь ромейские правители серьезно задумались о путях сохранения политической независимости своей державы.

В это время императорский престол занимает Мануил II Палеолог — один из наиболее образованных византийских императоров. Он стал следующим василевсом, после своего отца Иоанна V Палеолога, кто покинул державу для путешествия по Западной Европе в период с 1399–1403 гг. Основной целью которой, было обеспечение поддержки в борьбе с турками. Стоит отметить, что такое поведение не характерно для византийских императоров, которые находились на виду у жителей столицы и не должны были покидать ее пределы.

Однако, параллельно с кризисными явлениями в стране, происходит расцвет духовной жизни. Византийские интеллектуалы высоко ценились как в стране, так и за ее пределами. Беседа с образованным греком была честью, поэтому отнюдь не странно, что взгляды интеллектуальной среды могли сказаться на внешнеполитическом курсе страны, с чем нам и предстоит разобраться.

В ходе работы впервые проведено системное комплексное исследование данной темы. Прежде большинство авторов предпочтительно рассматривали деятельность отдельно взятой личности, отрывая ее от интеллектуальной среды эпохи в целом. Оценивался вклад отдельно взятого человека в четко ограниченный временем исторический период. Либо же отмечали общее и различное в характеристике византийских мыслителей. Например, давали оценку лишь их социальному составу, уровню образованности, политическим ориентирам и т. д. Однако комплексной работы, оценивающей взаимосвязь внешнеполитических взглядов византийской интеллек-

туальной среды в целом и отдельно взятого образованного индивида с Мануилом II Палеологом, а также их влияние на последнего — нет. Что, в свою очередь, свидетельствует о новизне постановки взгляда на проблематику вопроса.

Дальнейшую разработку получила система функционирования взаимосвязи императора, византийских интеллектуалов и бюрократического аппарата империи второй половины XIV — первой четверти XV вв.

Объектом исследования является взаимоотношения ромейского императора Мануил II Палеолог и византийских интеллектуалов второй половины XIV — первой четверти XV вв.

Предмет исследования охватывает представления византийской ученой среды о внешней политике и месте Византии на международной арене того времени, а также внешнеполитические представления василевса сквозь призму вышесказанного.

Целью исследования является комплексное изучение внешнеполитических взглядов Мануила II Палеолога глазами византийских мыслителей второй половины XIV — первой четверти XV вв. Поставленная цель определяет следующие задачи:

- изучить византийскую интеллектуальную среду второй половины XIV — первой четверти XV вв., ее состав и роль в придворном мире;
- определить степень восприимчивости и интереса образованной прослойки общества к проблемам внешней политики Византии;
- подтвердить или опровергнуть влияние интеллектуалов на василевса.

Хронологические рамки работы определяются второй половиной XIV — первой четвертью XV вв. Нижняя хронологическая грань охватывает рождение и юношеские годы Мануила II, когда складывались личность и интеллектуальный фундамент будущего василевса. Верхняя хронологическая грань

завершается основным периодом правления и внешнеполитической деятельностью императора, вплоть до его кончины в 1425 г. Данная хронология позволяет выделить интеллектуальные факторы, влиявшие на формирование представлений императора о внешней политике и месте Восточной Римской империи в мире.

В рамках проведенного исследования упор делался на нарративный вид источников, как наиболее многочисленный и наиболее полно раскрывающий проблематику исследуемой темы. К ним, прежде всего, следует отнести эпистолографические данные и хроники. Важнейшим эпистолографическим источником являются письма Мануила II Палеолога правителям, церковным деятелям и византийским интеллектуалам [13], а также письма самих интеллектуалов. Среди хроник особое место занимают работы Михаила Дуки [10], Георгия Сфрадзи [1] и Лаоника Халкокондила [11], которые позволяют внести ряд уточнений в исследуемую тему.

Данная тема не поддавалась комплексному анализу зарубежными и отечественными исследователями. Большинство авторов предпочтительно рассматривали деятельность отдельно взятой личности, отрывая ее от интеллектуальной среды эпохи в целом. Кроме того, они изучали внешнюю политику Византии, а не ее движущие силы и интеллектуальную подоплеку, в четко ограниченный временем исторический период. Однако стоит выделить авторов, затронувших тему в той или иной степени. Это такие исследователи, как А. Васильев, Ш. Диль, С. Рансимен, И. Шевченко, А. Каждан, М. Поляковская, Т. Куш, Н. Пашкин и др.

Византийская интеллектуальная среда — это довольно тонкая прослойка населения Византии, неоднородная по социальному составу, но связавшая людей на культурном уровне. За замкнутый характер, высокий образовательный «ценз» и приближенность к императорскому двору ее еще часто называют интеллектуальной элитой. Как верно отметил А. П. Каждан: «византийская элита осмыслялась как «открытая» со-

циальная группировка, доступ в которую обуславливался не наследственными, а личными достоинствами человека» [2, с. 47].

Не менее точное определение интеллектуальной среды дает И. И. Шевченко, подразумевая под ней «византийских производителей сохранных интеллектуальных изречений, т. е. византийских писателей», в чем его поддерживает Т. В. Куц [12, р. 7; 3, с. 123]. Однако последняя отмечает, и автору это дополнение кажется целесообразным, что рамки, созданные И. И. Шевченко, можно было бы расширить за счет людей вовлеченных в интеллектуальную деятельность и не уступающих по уровню образованности своим коллегам, но незанятых писательским трудом [3, с. 123]. К сожалению, подобные сведения достаточно скудны и не позволяют глубже развить эту мысль.

Определившись с понятием «византийская интеллектуальная среда» следует понять, какие перспективы открывались перед ее членами, и стоило ли вообще стремиться попасть в столь элитарное общество. Ответ на интересующий нас вопрос, однозначно, утвердительный. Для Византии второй половины XIV — первой четверти XV вв., как и в принципе для последних двух веков существования державы, особенно характерна близость интеллектуалов к императорскому двору и власти. Не то чтобы раньше образованных людей держали в стороне, просто это не проявлялось в таких масштабах.

Т. В. Куц одна из первых отмечала образованность, как мощный инструмент социальной мобильности византийцев [3, с. 136–137]. Действительно, с этим трудно поспорить. Образованные люди со всех уголков империи стремились попасть в столицу, где их знания могли быть оценены и вознаграждены по достоинству. Находясь в придворном мире, перед интеллектуалами открывалась новые возможности. Они могли получить должность в бюрократическом аппарате или же поступить на службу к богатым людям в качестве секретаря или учителя [3, с. 137]. И то и другое, хоть и в разной степени,

обеспечивало достойное существование и позволяло преодолеть финансовые затруднения.

Византийские интеллектуалы нередко занимали важные управленческие посты. Так, в табели о рангах Псевдо-Кодина, датирующийся серединой XIV в., наивысшие позиции занимают титулы деспота, севастократора, протовестиария. Так, два византийских интеллектуала, которые не были связаны родственными узами с императорами, смогли сделать блестящую карьеру и получить титул протовестиария. Это Георгий Сфрандзи в Константинополе и Георгий Амирутци в Трапезунде. Они сначала достигли титула великого логофета, а потом и протовестиария, продемонстрировав высокой степень ученой подготовки. Четыре представителя от интеллектуалов возглавляли правительство [4, с. 248]. Должность месадзона в разное время занимали Димитрий Кидонис, Георгий Гуделий, Димитрий Хрисолора и Лука Нотара [4, с. 249]. Однако, в поздний период интеллектуальный ресурс стали меньше привлекать на ведущие посты в административных структурах. Вместо этого их куда активней стали задействовать в дипломатической сфере. Посольские миссии неоднократно представляли Мануил и Иоанн Хрисолоры, Димитрий Ангел Клид, Георгий Сфрандзи и др. [3, с. 133]. Так, отправляясь в очередную поездку и исполняя волю императора, послы оказывали влияние на вектор внешней политики империи.

Перспективной также являлась должность учителя имперской семьи. Обучая наследников правителя, появлялась возможность заручиться поддержкой императора, что гарантировало высокий социальный статус. Так учителем будущего правителя Мануила II Палеолога был назначен Димитрий Кидонис, ранее обучавший его мать Елену [6, с. 356]. Именно по ее настоянию образованием мальчика занялся Кидонис, и при его непосредственном участии складывалась личность и интеллектуальный фундамент будущего василевса.

Помимо должности, приближенные к трону византийские интеллектуалы, видели одной из главных задач прославление

державы и императора. Но в то же время, считалось допустимым и критически высказываться в сторону василевса для исправления отдельных недостатков как его собственных, так и его политического курса [8, с. 5–24].

Критика могла звучать во время официальных торжественных мероприятий и публичных диспутов во дворце, в литературных салонах и интеллектуальных кружках, которые императоры посещали, а порой и сами организовывали. Также критические отзывы встречаются в императорских панегириках, риторических трактатах и корреспонденции, которые предназначались для широкой публики [5, с. 188]. Однако, следует понимать, что это скорее не критика в нашем понимании, а попытка высказать совет или дать рекомендацию [5, с. 189].

Еще одним приемом, к которому прибегали интеллектуалы с целью критических высказываний, была ирония. Ярким примером является диалог (общение) Димитрия Кидониса с будущим василевсом Мануилом II Палеологом. В своем обращении Кидонис порицает предшественников своего ученика, в том числе и его отца Иоанна V Палеолога, за равнодушие к наукам, из-за чего «во дворце высмеиваются даже элементарные знания»: наступило «время неуважения к наукам и философии» [9, Ер, 262, 45–54; 5, с. 194].

После же прихода к власти Мануила II, мы наблюдаем обратный процесс. Димитрий говорит о достоинствах нового василевса и всячески восхваляет его интерес к наукам и философии: «Ты являешься тем человеком, который обладает умом, наслаждается литературными занятиями, не является рабом удовольствий и не представляет себе жизни без справедливости и законов, считается другом всего доброго и врагом всего бесчестного, всегда пренебрегает собственным интересом ради общественного, — тем, кого в равной степени и мудрецы и простецы признают императором, и кто вообще во всем является достойным императорской власти. Поскольку прежде правитель пренебрегал этими обязанностями, варвары (турки — Т. К.) добивались успеха и лишали нас день ото дня на-

шего превосходства над ними» [9, Ер, 431, 16–18; 5, с. 195]. Но в то же время, как мы видим, Кидонис утверждает, что доступные блага в сочетании с необразованностью способны привести правителя к беззаконию. Он продолжает обвинять предшественников своего ученика в необразованности, склоняясь к тому, что именно этот фактор привел к ухудшению позиций державы.

Среди византийских авторов второй половины XIV — первой четверти XV вв., пожалуй, трудно будет найти человека равнодушного к политической судьбе своей державы. Византийскую империю по своим характеристикам уже сложно назвать империей, турки перешли к наступательным действиям и были решительны в своих планах. Каждый из ученой среды по-своему реагировал на внешнюю угрозу и предлагал варианты ее решения. Так мнения интеллектуалов разделились на три лагеря. Одни видели спасение в союзе западным миром (взамен на содействие Римская Церковь требовала унию Католической и Православной Церкви). Другие считали, что все решится, если объединить балканские православные народы (таких было меньшинство). Третьи склонялись к помощи турок, предпочитая эту сторону «каждодневным злобствованиям православных друг против друга» [7, с. 105]. Сам император, как мы можем судить по его действия, склонялся к первому варианту. К этому же тяготел и учитель василевса, что в который раз демонстрирует силу связи учитель-ученик, характерную для этого периода.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что производители византийской интеллектуальной мысли второй половины XIV — первой четверти XV вв. играют важную роль в придворном мире. Им отводились управленческие посты в административно-бюрократическом аппарате, должности учителя и секретаря, а также задействовали в дипломатических миссиях. Ученые люди в поздневизантийский период были восприимчивы к внешнеполитическим проблемам Византии и были заинтересованы в их решении. В связи с этим,

образованная прослойка общества предлагала пути решения этих проблем и считала себя вправе делиться советами и предложениями с василевсом.

Итак, Мануил II Палеолог на протяжении всей своей жизни находился в окружении византийской интеллектуальной мысли. Личность и интеллектуальный фундамент будущего императора с ранних лет складывался под воздействием его учителя Димитрия Кидониса, который был представителем передовой мысли интеллектуального общества второй половины XIV в. и оставил содержательное эпистолярное наследие. В возрасте 15 лет будущий император вместе с отцом Иоаном V Палеологом впервые отправился в западное путешествие в сопровождении Димитрия Кидониса, с которым он не переставал поддерживать дружеские отношения. Помимо Кидониса василевс состоял в дружеской переписке с Мануилом Хрисолорой, Димитрием Хрисолорой, Мануилом Пофом и другими представителями интеллектуальной элиты, которые своей активной общественной позицией оказывали политическое влияние на судьбоносные решения.

Литература

1. *Георгий Сфрандзи*. Хроника / Пред., перев. и примеч. Е. А. Джагацпанян // Кавказ и Византия. — Ереван, 1987. — Вып. 5. — С. 156–251.
2. *Каждан А. П.* Об аристократизации византийского общества VIII—XII в. / А. П. Каждан // Сборник радова Византолошког института. — Белград, 1968. — Т. 11. — С. 47–55.
3. *Куц Т. В.* Византийская интеллектуальная среда (конец XIV — XV в.): Опыт характеристики / Т. В. Куц // Античная древность и средние века. — Екатеринбург, 1998. — Вып. 29. — С. 122–138.
4. *Куц Т. В.* К социальной характеристике византийской интеллектуальной среды конца XIV—XV в. / Т. В. Куц // Античная древность и средние века. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 33. — С. 242–252.

5. Куц Т. В. Критика императорской власти в поздней Византии: границы допустимого / Т. В. Куц // Власть и её пределы в Средние века и раннее Новое время. Сб. науч. статей. — М., 2015. — С. 185–198.
6. Куц Т. В. Наставничество как форма интеллектуального общения / Т. В. Куц // Античная древность и средние века. — Екатеринбург, 2011. — Вып. 40. — С. 352–362.
7. Поляковская М. А. Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в. (Николай Кавасила) / М. А. Поляковская // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1975. — Вып. 12. — С. 104–116.
8. Чекалова А. А. Интеллектуалы и власть в Византии / А. А. Чекалова, М. А. Поляковская // Византийские очерки. — М., 1996. — С. 5–24.
9. *Démétrius Cydonès. Correspondance* / Publ. par R.-J. Loenertz. *Studi e testi*, 186, 208. — Città del Vaticano, 1956. — Vol. 1; 1960. — Vol. 2.
10. *Doukas. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*. — Detroit, 1975. — 347 p.
11. *Laonici Chalkokondylae. Atheniensis Historiarum libri decem* / Ex rec. I. Bekkeri. — Bonnae, 1843. — 610 p.
12. *Ševčenko I. Society and Intellectual Life in the XIVth century* / I. Ševčenko // XIV Congress international des Etudes byzantines. — Bucarest, 1971.
13. *The letters of Manuel II Palaeologus* / Ed. G. Dennis. — Washington, 1977. — 260 p.

Bibliography (Transliteration)

1. Georgii Sphrandzi. *Khronika* / Pred., per., i primech. E. A. Dzha-gatspanian // *Kavkaz I Vizantiia*. Erevan, 1987. — Vyp. 5. — S. 156–251.
2. Kazhdan A. P. *Ob aristokratizatsii vizantiiskogo obshchestva VIII–XII v.* / A. P. Kazhdan // *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta*. — Belgrad, 1968. — T. 11. — S. 47–55.

3. Kushch T. V. Vizantiiskaia intellectual'naia sreda (konets XIV—XV v.): Opyt kharakteristiki / T. V. Kushch // *Antichnaia drevnost' i srednie veka.* — Ekaterinburg, 1998. — Vyp. 29. — S. 122–138.
4. Kushch T. V. K sotsial'noi kharakteristike vizantiiskoi intellektual'noi sredy kontsa XIV—XV v. / T. V. Kushch // *Antichnaia drevnost' i srednie veka.* — Ekaterinburg, 2002. — Vyp. 33. — S. 242–252.
5. Kushch T. V. Kritika imperatorskoi vlasti v pozdnei Vizantii: granitsy dopustimogo / T. V. Kushch // *Vlast' i ee predely v Srednie veka i rannee Novoe vremia.* Sb. nauch. statei. — M., 2015. — S. 185–198.
6. Kushch T. V. Nastavnichestvo kak forma intellektual'nogo obshchniia / T. V. Kushch // *Antichnaia drevnost' i srednie veka.* — Ekaterinburg, 2011. — Vyp. 40. — S. 352–362.
7. Poliakovskaia M. A. Politicheskie idealy vizantiiskoi intelligentsii sere diny XIV v. (Nikolai Kavasila) / M. A. Poliakovskaia // *Antichnaia drevnost' i srednie veka.* — Sverdlovsk, 1975. — Vyp. 12. — S. 104–116.
8. Chekalova A. A. Intellectually i vlast' v Vizantii / A. A. Chekalova, M. A. Poliakovskaia // *Vizantiiskie ocherki.* — M., 1996. — S. 5–24.
9. Démétrius Cydonès. Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. *Studi e testi*, 186, 208. — Città del Vaticano, 1956. — Vol. 1.; 1960. — Vol. 2.
10. Doukas. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. — Detroit, 1975. — 347 p.
11. Laonici Chalkokondylae. Atheniensis Historiarum libri decem / Ex rec. I. Bekkeri. — Bonnae, 1843. — 610 p.
12. Ševčenko I. Society and Intellektual Life in the XIVth century / I. Ševčenko // *XIV Congres international des Etudes byzantines.* — Bucarest, 1971.
13. The letters of Manuel II Palaeologus / Ed. G. Dennis. — Washington, 1977. — 260 p.

(Битва при Посаде, 9–12 ноября 1330 г.)

Влияние социальных и геополитических факторов на внешнюю политику Валашского княжества в XIV–XVI вв.

Емельянова Наталья (IV курс)

Емельянова Н. О. Влияние социальных и геополитических факторов на внешнюю политику Валашского княжества в XIV–XVI вв. В статье изучается проблема формирования внешней политики Валахии в XIV–XVI вв. под влиянием внутренних и внешних факторов. Установлено, что геополитическое положение Валахии, как внешний фактор, а также давление церкви и бояр на политику господарей, как внутренний фактор, предопределили характер внешней политики княжества. Политика лавирования помогла Валахии в XIV–XVI вв. сохранить относительный суверенитет, избежать полного политического подчинения, как Османской империи, так и Венгрии в ходе их борьбы за гегемонию на Балканах.

Ключевые слова: Княжество Валахия, Цара Ромыняскэ, Балканы, внешняя политика, валашское боярство, господарь.

Ємельянова Н. О. Вплив соціальних та геополітичних факторів на зовнішню політику Волооського князівства у XIV–XVI ст. У статті розглянуто проблему формування зовнішньої політики Волощини в XIV–VI ст. під впливом внутрішніх та зовнішніх факторів. Встановлено, що геополітичне положення Волощини, як зовнішній фактор, а також тиск церкви і бояр на політику господарів, як внутрішній фактор, визначили характер зовнішньої політики князівства. Політика лавірування допомогла Волощині у XIV–XVI ст. зберегти відносний суверенітет, уникнути повного політичного підпорядкування як Османській імперії, так і Угорщині в ході їх боротьби за гегемонію на Балканах.

Ключові слова: Князівство Волощина, Цара Роминяске, Балкани, зовнішня політика, волоське боярство, господар.

Emelyanova N. O. The Impact of Social and Geopolitical Factors on the Foreign Policy of the Principality of Wallachia in XIV–XVI AD. The article considers the problem of Wallachia's foreign policy formation in the XIV–XVI centuries under the influence of internal and external factors. It was established that the geopolitical situation of Wallachia as an external factor and the pressure of the Church and boyars on the rulers' policy as an internal factor determined the quirky nature of the foreign policy of the Principality. Policy of maneuvering helped Wallachia in the XIV–XVI centuries to maintain the relative sovereignty and avoid the full political subordination of both the Ottoman Empire and Hungary during their struggle for hegemony in the Balkans.

Key words: Principality of Wallachia, Țara Românească, the Balkans, foreign policy, wallachian boyars, wallachian ruler.

Княжество Вала́хия (рум. Țara Românească, Wallahia) территориально располагалось в Юго-Восточной Европе, между Карпатами и Дунаем; условно делилось рекой Олт на Мунтению (Большую Валахию) и Олтению (Малую Валахию). Княжество существовало как отдельное государство с середины XIV в. до 1859 г., когда оно было объединено с Молдавским княжеством в Объединённое княжество Вала-

хии и Молдавии, позже эти территории получили название королевство Румыния. Валахия находилась на пересечении важных направлений и торговых путей, граничила с Венгрией, Болгарией, Молдавским княжеством и находилось в непосредственной близости от таких влиятельных государств, как Византия, Сербия, Польша, Османская империя.

Географическое и геополитическое положение Валашского княжества предопределили его важную стратегическую роль в регионе. Внешнеполитический курс Валахии оказывал влияние на исторические процессы в Юго-Восточной Европе. К сожалению, в историографии не уделялось достаточного внимания проблеме возникновения, становления княжества Валахия и развитию его внешнеполитического курса в XIV–XVI вв. Не изучались должным образом и факторы, повлиявшие на формирование внешней политики Валахии в указанный период. Эта тема лишь частично затрагивается румынскими и отечественными историками в общеисторических трудах, в работах, посвященных определенным историческим периодам, событиям, деятелям, а также в комплексных работах по истории Румынии и румынской внешней политике.

Отдельные вопросы упомянутой темы затронуты в работах отечественных специалистов по румынской истории средневекового периода Л. Е. Семеновой [20], Н. А. Мохова [14]. Проблемы формирования внешней политики валашских господарей в период Средневековья хорошо изучены в трудах румынских историков С. Стефанэску [35], Н. Стоическу [36]. Эти же процессы нашли отражение в исследованиях С. Н. Палаузова [17], а также в работах отечественных историков Е. П. Наумова, В. П. Шушарина, Г. Г. Литаврина [15]. Процессы взаимодействия Валахии и Османской империи через призму истории Турции рассматривали в своих работах С. Ф. Орешкова [16] и С. Фароки [37]. Влияние византийских внешнеполитических традиций на формирование внешней политики Дунайских княжеств глубоко изучено Н. Йоргой [31, 32]. Среди публикаций последних десятилетий были так-

же использованы работы И.-А. Попа, И. Болована [2], М. Казаку [10], А. В. Васильева [3] и др.

Источниковая база исследования достаточно обширная. Основную часть источников составляют господарские грамоты или дипломы, официальная или частная переписка высокопоставленных особ, указы, разнообразные торговые договоры, льготы и другие деловые документы. Эти источники имеют как валашское происхождение, так и венгерское, византийское, молдавское, турецкое. Использованный для исследования источниковедческий материал можно разделить на следующие категории: 1) документы, опубликованные в России в XIX—XX вв. [1; 4; 5; 9; 13; 17]; 2) документы, опубликованные в Румынии в XIX—XX вв. [24–30; 33]; 3) документы, изданные в Венгрии в XIX в. [23].

В результате изучения источников и историографии установлено, что Валахия как самостоятельное государство во главе с господарем Басарабом I впервые упоминается в 1324 г. [17, с. 65; 11, с. 24; 2, с. 176; 34, р. 144; 24, р. 16, р. 234]. На момент своего возникновения Валашское княжество было небольшим феодальным государством, образовавшимся посредством объединения кнезатов и воеводатов [23, р. 448].

На внешнюю политику возникшего государства оказывали большое влияние различные экономические, политические и социокультурные факторы. Важную роль сыграли взаимоотношения со славянами, преимущественно с болгарами и сербами. Начиная с VI в., на землях Карпато-Дунайского региона расселились многочисленные славянские племена, разделив территории с местным романизированным населением, о чем свидетельствуют памятники Ипотешти-кындештской археологической культуры [19, с. 189–190; 7, с. 7–8]. Эти взаимоотношения поспособствовали формированию духовной и материальной культуры валашской народности. В условиях тесных экономических и культурных связей между ними к X в. сформировалась восточно-романская этническая общность, которая в латинских и греческих источниках называется «вла-

хами», в славянских — «волохами» [11, с. 17]. Различия этнического субстрата, нашедшие отражение в археологических памятниках [21, с. 15], привели к созданию двух самостоятельных государств — Валашского и Молдавского княжеств. Влияние славян проявилось и в процессе формирования языка восточно-романского населения, о чем говорит значительное число славянских заимствований в его лексике при сохранении основного словарного фонда и грамматической структуры народной латыни. В результате укрепления связей с южно- и восточнославянскими государствами развитие феодализма на валашских землях было значительно ускорено.

Другим фактором было влияние христианской ортодоксальной церкви и религии. В период XIV–XVI вв. валашские господа способствовали строительству церквей и организации монастырей на территории княжества, усилению влияния православной церкви. В это время закладываются основы тесных взаимоотношений между валашскими правителями и церковью [2, с. 223–230; 18, с. 68]. Православная церковь имела непосредственное влияние на внешнюю политику и оказывала князьям поддержку в борьбе против завоевательной политики венгерских королей, а позже — турков-османов. С другой стороны, князья всячески поддерживали православную церковь и религию, уменьшая опасность обращения в католическую или мусульманскую веру населения Валахии. Православие способствовало сближению Валахии с Болгарией, Сербией, Византией. С X в. в валашском обществе распространяется славянское письмо и книжно-славянский язык, который стал официальным письменным языком в Валашском княжестве в XIV в. [6, с. 451].

Третий социокультурный фактор — опосредованное влияние византийской культуры, государственности и цивилизации. Это влияние проявилось в распространении религии, сборников административного и религиозного права. В Первом и, позднее, во Втором Болгарских царствах, а также в Сербии были хорошо известны в славянских переводах важ-

нейшие византийские памятники светского и церковного права — такие, как Новеллы и другие части Кодекса Юстиниана, Эклога, Земледельческий закон, Прохирон, Номоканон (Синагоге) в 50 титулах Иоанна Схоластика, Сборники 14 титулов, Синтагма Матфея Властаря, Шестикнижие Константина Арменопула и др. Славянские переводы византийских памятников права были первыми правовыми документами, известными в Валахии [22, с. 123, 128].

Среди внутренних факторов, влиявших на внешнюю политику Валашского княжества в XV в., решающую роль играли интересы валашского боярства. Проосманская позиция, занятая крупным боярством во время экспедиции Мехмеда II в Валахию летом 1462 г., коренилась в укреплении экономических связей бояр с Османской империей. Об этом свидетельствуют данные источников об экспорте валашскими боярами на османские рынки продукции своих вотчин, в том числе зерна. Развивалась торговля с Турцией, на территории княжества османы приобретали недвижимое имущество [20, с. 75]. Влияние боярской группировки было настолько сильным, что все господари, в том числе и те, которые получали престол при поддержке антиосманских сил извне, под давлением крупного боярства были вынуждены переходить на сторону султана. Например, ставленник молдавского господаря Штэфана III Великого Басараб Лайота стал валашским господарем в 1473 г. А в 1478 г. при помощи венгров и при поддержке Штэфана валашский престол занял Басараб Цепелюш. При поддержке трансильванского воеводы Иштвана Батори в 1482 г. трон Валахии завладел Влад Кэлулэ [20, с. 76–77]. Однако все эти господари перешли на сторону Порты и подчинились османским интересам. В XVI в. политика боярского сословия стала определяющей. В это время важную политическую роль в княжестве играли крупные бояре Крайовы. Имея родственные связи в Османской империи, они пользовались большим доверием Порты и считались верными подданными султана. В период правления Раду Великого

(1495–1508) была создана великая банья (административно самостоятельная область) с центром в г. Крайове, что свидетельствует об экономическом и политическом весе местной боярской группировки [11, с. 39]. Таким образом, происходит постепенное ослабление власти господаря и усиление власти крупных феодалов в лице боярства.

В XIV–XVI вв. Валахия была молодым государством, имеющим в своем распоряжении небольшое войско. Поэтому одной из первостепенных задач являлся поиск влиятельного союзника. Валашские правители ориентировались во внешней политике на дружественные, союзнические отношения с Молдавским княжеством, Болгарским царством, Сербским королевством, Византийской империей, Королевством Польша. Этому способствовало этническое родство, культурная или религиозная близость. Несомненным фактором для установления союзнических отношений с этими державами служил рост могущества этих государств в конкретные исторические периоды. Для защиты собственных интересов валашские господа всегда выбирали наиболее сильных и перспективных союзников. Например, в 1331–32 г. Басараб I установил союзные отношения и оказал военную поддержку болгарскому царю Иоанну-Александру [4, с. 20; 2, с. 178]. Однако в 1355 г. другой валашский господарь Николай Александр отказался от традиционных связей с Тырновским царством. Он установил союзнические отношения с королем Сербии Стефаном Душаном и правителем Видинского царства Иваном Срацимиром. Кроме того, он поддержал политику Византии и Константинопольской патриархии, направленную на изоляцию болгарского государства и его автокефальной церкви, переподчинил мунтянскую (валашскую) церковь патриарху Константинопольскому в 1359 г., что способствовало укреплению дружественных связей с Византией и росту геополитического значения Валахии [18, с. 67; 2, с. 179].

С Венгерским королевством политические взаимоотношения складывались непросто. Начиная с XI в. венгерские

правители пытались подчинить себе валашские территории. В конечном итоге в XIII в. установилась вассальная зависимость князей Валахии от Венгрии [11, с. 23; 23, р. 448]. Тем не менее, после объединения князей в Валашское государство в начале XIV в., княжеству периодически удавалось добиться независимости от сильного соседа. Оно было вынуждено постоянно вести борьбу за государственный суверенитет. В конце XIV в. распри на почве территориальных притязаний и религиозных различий на некоторое время стихли и на фоне угрозы османской агрессии. В 1395 г. господарь Мирча заключил союз с венгерским королем Сигизмундом в борьбе против турков-османов [2, с. 193, с. 253].

С конца XIV в. Валахия оказалась в сфере интересов не только Венгрии, но и стремительно расширяющей свои владения Османской империи. Поэтому княжество было вынуждено вести осторожную политику лавирования, используя противоречия более сильных в военном отношении государств [12, с. 2]. Это проявлялось в поочередном признании сюзереном то венгерскую корону, то османскую Порту. Интересно, что попав под вассальную зависимость от Османской империи в 1393 г., Валахия удалось сохранить государственное устройство, в отличие от других стран, подчиненных османами. Порта оставила право на престол валашским господарям и не притесняла вероисповедание валашского населения. Видимость невмешательства в дела княжества, компенсировалась своевременной выплатой дани. Подтверждение этому мы находим в Гаги-Гумаюме¹ султана Баязида I от 1393 г. [30, р. 216; 17, с. 25]. В последствии османские правители придерживались этой политики в отношении Валахии. Только в XVIII в. турки начинают назначать валашских правителей из числа фанариотов.

Таким образом, геополитическое положение Валахии, как внешний фактор, а также давление церкви и бояр на политику господарей, как внутренний фактор, предопределили характер

---

¹ Гаги-Гумаюм — указ султана, дающий турецким христианам право свободного отправления своего богослужения.

внешней политики княжества. Политика лавирования была вполне оправдана конкретными историческими условиями и помогла Валахии в XIV–XVI вв. сохранить относительный суверенитет. Валашское княжество избежало полного политического подчинения, как Османской империи, так и Венгрии в ходе их борьбы за гегемонию на Балканах.

Литература

1. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы / Ред. В. В. Виноградов, Л. Е. Семенова. — М., 1996. — 380 с.
2. *Болован И.* История Румынии / И. Болован, И.-А. Поп. — М., 2005. — 680 с.
3. *Васильев А. В.* Влияние исторических традиций на формирование внешней политики Румынии / А. В. Васильев. — М., 2001. — 204 с.
4. *Венелин Ю.* Влахо-Балгарские или Дако-Славянские грамоты, собранные и объясненные на иждивении Императорской Российской Академии Юрием Венелиным / Ю. Венелин. — СПб., 1840. — 376 с.
5. Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Ред. А. С. Твертинова. — М., 1964. — Т. 1. — 307 с.
6. Всемирная история в 10 томах / Ред. Е. М. Жуков. — М., 1957. — Т. 3. — 942 с.
7. *Гросул Я. С.* Карпато-Дунайские земли в Средние века / Я. С. Гросул. — Кишинев, 1975. — 342 с.
8. *Голубинский Е.* Краткий очерк истории православных церквей: болгарской, сербской и румынской (или молдо-валашской) / Е. Голубинский. — М., 1871. — 374 с.
9. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трёх томах / Ред. Я. С. Гросул, А. К. Оцетя и др. — М., 1965. — Т. 1 (1408–1632). — 367 с.

10. Казаку М. Дракула / пер. с фр. В. И. Удовиченко. — М., 2011. — 328 с.
11. Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней / Ред. В. Н. Виноградов. — М., 1987. — 536 с.
12. Краткое обозрение княжеств Молдавии и Валахии в политическом отношении, от образования оных в княжества до половины 1831 года // Из «Чтений в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете 1861 года». — М., 1862. — 33 с.
13. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. / Ред.: В. А. Уляницкий. — М., 1887. — 254 с.
14. Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма / Н. А. Мохов. — Кишинёв, 1964. — 440 с.
15. Наумов Е. П. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. / Е. П. Наумов, Г. Г. Литаврин, В. П. Шушарин. — М., 1984. — 300 с.
16. Орешкова С. Ф. Очерки истории Турции / М. А. Гасратян, С. Ф. Орешкова, Ю. А. Петросян. — М., 1983. — 296 с.
17. Палаузов С. Н. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении / С. Н. Палаузов. — СПб., 1859. — 296 с.
18. Роллер М. История Румынии: Популярный очерк / М. Роллер. — М., 1950. — 564 с.
19. Седов В. В. Этногенез ранних славян / В. В. Седов // Русин. — 2006. — № 1(3). — С. 174–198.
20. Семёнова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории) / Л. Е. Семенова. — М., 2006. — 400 с.
21. Федоров Г. Б. Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии: Историографический аспект / Г. Б. Федоров // *Stratum plus*. — 1999. — № 5. — С. 14–74.
22. Щапов Я. Н. Рецепция сборников византийского права в средневековых Балканских государствах / Я. Н. Щапов // *Византийский временник*. — 1976. — Т. 37. — С. 123–129.

23. A. Ch. 1247. Idem Bela Hospitalariis terras amplissimas de Zeurino confert // Codex diplomaticus Hungariae Ecclesiasticus ac civilis / G. Fejér. — Budaë, 1829. — Vol. 4.1. — P. 447–454.
24. Cronica pictată de la Viena // Fontes Historiae daco-romanae / Ed.: G. Popa-Lisseanu. — București, 1937. — Vol. 11. — 306 p.
25. Cronicele slavo-romane din sec. XV–XVI / Ed. I. Bogdan. — București, 1959. — 332 p.
26. Documenta Romaniae Historica. B. Țara Românească / Ed.: P. P. Panaitescu și D. Mioc. — București, 1966. — Vol. 1. (1247–1500). — 635 p.
27. Documente privitoare la istoria Romanilor / Culese de Eudoxiu de Hurmuzaki. — București, 1887–1889. — Vol. 1.2 (1346–1450). — 947 p.
28. Documente și regeste privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul și Ungaria / Ed. I. Bogdan. — București, 1902. — 348 p.
29. Fontes Historiae daco-romanae. Scriitori și acte bizantine secolele IV–XV / Ed. B. Budesku. — București, 1982. — Vol. 4. — 583 p.
30. *Fotino Dionisiu*. Istoria generala a Daciei, sau a Transilvaniei, Țerei Muntenesci și a Moldovei / Dionisiu Fotino. — București, 1859. — Vol. 1. — 344 p.
31. *Iorga N.* Bizanț după Bizanț / N. Iorga. — București, 1972. — 301 p.
32. *Iorga N.* Istoria poporului românesc / N. Iorga. — București, 1922. — Vol. 2. — 201 p.
33. Istoria Țării Românești. 1290–1690. Letopisețul cantacuzinesc / Ed. C. Grecescu și D. Simonescu. — București, 1960. — 251 p.
34. *Marci de Kalt*. Chronica Picta / Marci de Kalt [Электронный ресурс] // — Режим доступа: https://web.archive.org/web/20120304111134/http://konyv-e.hu/pdf/Chronica_Picta.pdf.
Доступ — 03.03.2016 г.
35. *Ștefănescu Șt.* Țara Românească de la Basarab I «Intemeietorul» pînă la Mihai Viteazul / Șt. Ștefănescu. — București, 1970. — 230 p.
36. *Stoicescu N.* Vlad Țepeș: Prince of Walachia / N. Stoicescu. — București, 1978. — 193 p.

37. The Ottomans and the Balkans: a discussion of historiography / Ed.: F. Adanir, S. Faroqi. — Leiden; Boston; Koln, 2002. — 445 p.

Bibliography (Transliteration)

1. Bessarabiia na perekriostke evropeiskoi diplomatii. Dokumenty i materialy / Red.: V. V. Vinogradov, L. E. Semionova. — M., 1996. — 380 s.
2. *Bolovan I.* Istoriia Rumynii / I. Bolovan, I.-A. Pop. — M., 2005. — 680 s.
3. *Vasil'ev A. V.* Vliianie istoricheskikh traditsii na formirovanie vneshnei politiki Rumynii / A. V. Vasil'ev. — M., 2001. — 204 s.
4. *Venelin Iu.* Vlakho-Balgarskie ili Dako-Slavianskie gramoty, sobrannye I obiasnionnye na izhdivenii Imperatorskoi Rossiiskoi Akademii Iuriem Venelinym / Iu. Venelin. — SPb., 1840. — 376 s.
5. Vostochnye istochniki po istorii narodov Iugo-Vostochnoi I Tsentralnoy Evropy / Red. A. S. Tvertinova. — M., 1964. — T. 1. — 307 s.
6. Vsemirnaia istoriia v 10 tomakh / Red. E. M. Zhukov. — M., 1957. — T. 3. — 942 s.
7. *Grosul Ia. S.* Karpato-Dunaiskie zemli v Srednie veka. / Ia. S. Grosul. — Kishiniov, 1975. — 342 s.
8. *Golubinskii E.* Kratkii ocherk istorii pravoslavnykh tserkvei: bolgarskoi, serbskoi i rumynskoi (ili moldo-valashskoi) / E. Golubinskii. — M., 1871. — 374 s.
9. Istorieskie sviazi narodov SSSR I Rumynii v XV — nachale XVIII v. Dokumenty i materialy v triekh tomakh / Red.: Ia. S. Grosul, A. K. Otsetia i dr. — M., 1965. — T. 1 (1408–1632). — 367 s.
10. *Kazaku M.* Drakula / per. c fr. V. I. Udovichenko. — M., 2011. — 328 s.
11. Kratkaia istoriia Rumynii. S drevneishikh vremion do nashikh dnei / Red. V. N. Vinogradov. — M., 1987. — 536 s.
12. Kratkoe obozrenie kniazhestv Moldavii i Valakhii v politicheskom otnoshenii, ot obrazovaniia onykh v kniazhstva do polo-

- viny 1831 goda // Iz «Chtenii v Imperatorskom Obshestve Istorii i Drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom Universitete 1861 goda». — M., 1862. — 33 s.
13. Materialy dlia istorii vzaimnykh otnoshenii Rossii, Pol'shi, Moldavii, Valakhii i Turtsii v XIV—XVI vv. / Red. V. A. Ulianitskii. — M., 1887. — 254 s.
  14. *Mokhov N. A.* Moldaviia epokhi feodalizma / N. A. Mokhov. — Kishiniov, 1964. — 440 s.
  15. *Naumov E. P.* Osmanskaia imperiia i strany Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy v XV—XVI vv. / E. P. Naumov, G. G. Litavrin, V. P. Shusharin. — M., 1984. — 300 s.
  16. *Oreshkova S. F.* Ocherki istorii Turtsii / M. A. Gasratian, S. F. Oreshkova, Iu. A. Petrosian. — M., 1983. — 296 s.
  17. *Palauzov S. N.* Rumynskie gosudarstva Valakhii i Moldaviia v istoriko-politicheskom otnoshenii / S. N. Palauzov. — SPb., 1859. — 296 s.
  18. *Roller M.* Istoriia Rumynii: Populiarnyi ocherk / M. Roller. — M., 1950. — 296 s.
  19. *Sedov V. V.* Etnogenez rannikh slavian / V. V. Sedov // Rusin. — 2006. — № 1(3). — S. 174–198.
  20. *Semionova L. E.* Kniazhestva Valakhii i Moldaviia. Konets XIV — nachalo XIX v. (Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii) / L. E. Semionova. — M., 2006. — 400 s.
  21. *Fiodorov G. B.* Etnogenez volokhov, predkov moldavan, po dannym arkheologii: Istoriograficheskii aspekt / G. B. Fiodorov // Stratum plus. — 1999. — № 5. — S. 14–74.
  22. *Shiapov Ia. N.* Retsepsiia sbornikov vizantiiskogo prava v srednevekovykh Balkanskikh gosudarstvakh / Ia. N. Shiapov // Vizantiiskii vremennik. — 1976. — T. 37. — S. 123–129.
  23. A. Ch. 1247. Idem Bela Hospitalariis terras amplissimas de Zeurino confert // Codex diplomaticus Hungariae Ecclesiasticus ac civilis / G. Fejér. — Budae, 1829. — Vol. 4.1. — P. 447–454.
  24. Cronica pictată de la Viena // Fontes Historiae daco-romanae / Ed. G. Popa-Lisseanu. — București, 1937. — Vol. 11. — 306 p.
  25. Cronicele slavo-romane din sec. XV—XVI / Ed. I. Bogdan. — București, 1959. — 332 p.

26. Documenta Romaniae Historica. B. Țara Românească / Ed.: P. P. Panaitescu și D. Mioc. — București, 1966. — Vol. 1. (1247–1500). — 635 p.
27. Documente privitoare la istoria Romanilor / Culese de Eudoxiu de Hurmuzaki. — București, 1887–1889. — Vol. 1.2 (1346–1450). — 947 p.
28. Documente și regeste privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul și Ungaria / Ed. I. Bogdan. — București, 1902. — 348 p.
29. Fontes Historiae daco-romanae. Scriitori și acte bizantine secolele IV–XV / Ed. B. Budescu. — București, 1982. — Vol. 4. — 583 p.
30. Fotino Dionisiu. Istoria generala a Daciei, sau a Transilvaniei, Țerei Muntenesci și a Moldovei / Dionisiu Fotino. — București, 1859. — Vol. 1. — 344 p.
31. Iorga N. Bizanț după Bizanț / N. Iorga. — București, 1972. — 301 p.
32. Iorga N. Istoria poporului românesc / N. Iorga. — București, 1922. — Vol. 2. — 201 p.
33. Istoria Țării Românești. 1290–1690. Letopisețul cantacuzinesc / Ed. C. Grecescu și D. Simonescu. — București, 1960. — 251 p.
34. *Marci de Kalt*. Chronica Picta / Marci de Kalt [Elektronnyi resurs] // — Rezhim dostupa: https://web.archive.org/web/20120304111134/http://konyv-e.hu/pdf/Chronica_Picta.pdf. Dostup — 03.03.2016 g.
35. Ștefănescu Șt. Țara Românească de la Basarab I «Intemeietorul» pînă la Mihai Viteazul / Șt. Ștefănescu. — București, 1970. — 230 p.
36. Stoicescu N. Vlad Țepeș: Prince of Walachia / N. Stoicescu. — București, 1978. — 193 p.
37. The Ottomans and the Balkans: a discussion of historiography / Ed. F. Adanir, S. Faroqhi. — Leiden; Boston; Koln, 2002. — 445 p.

Список сокращений

БФ — Боспорский феномен
ВДИ — Вестник древней истории
ДБ — Древности Боспора
CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum

Spisok sokrasenių

BF — Bosporskiy fenomen
CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum
DB — Drevnosti Bospora
VDI — Vestnik drevney istorii

Наукове видання

**СОЦІОКУЛЬТУРНІ ФАКТОРИ
У ВНУТРІШНІЙ ТА ЗОВНІШНІЙ ПОЛІТИЦІ
ДЕРЖАВ СТАРОДАВНЬОГО СВІТУ
ТА СЕРЕДНІХ ВІКІВ**

*Збірка матеріалів наукового семінару молодих вчених
кафедри історії стародавнього світу та середніх віків
ХНУ імені В. Н. Каразіна,
25 березня 2016 р.*

Укладач, редактор О. А. Ручинська

Технічний редактор Є. В. Онишко

Підписано до друку 26.05.2016. Формат 60x84/16.
Папір офсетний. Гарнітура Times. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 6,75. Наклад 100 прим. Зам. № 16-42.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59.
Тел.: (057) 700-37-30
E-mail: maydan.stozhuk@gmail.com

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.